

17/0
491.71(082) ССБ

3-814. Р. С. А.

ЗОЛОТЫЕ КЛЮЧИКИ

ЧТЕНИЕ ПОСЛѢ АЗБУКИ.

А. П.

Ои.

799.

р.с.ц
491.71(082)
3-814

ЗОЛОТЫЕ КЛЮЧИКИ

Чтеніе послѣ азбуки.

Составлено кружкомъ учащихся подѣ редакціей
В. ВОРОБЬЕВА и **Е. СОЛОВЬЕВОЙ**.

Иллюстрировано оригинальными рисунками
худ. **А. ПЕТРОВОЙ** и **Т. ГИППИУСЪ**, снимками
съ натуры и другими рисунками.

Оригинальные рисунки и текстъ —
собственность составителей.

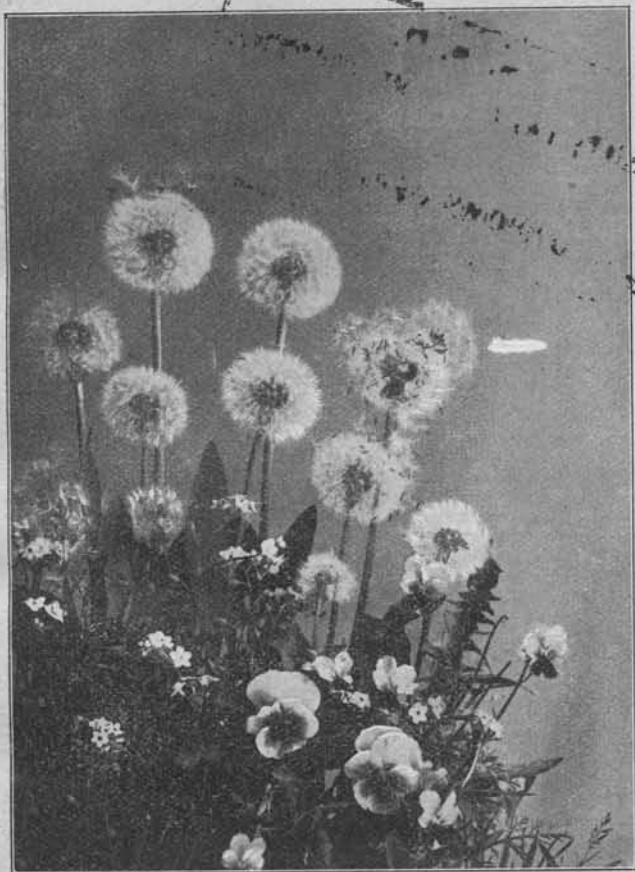

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Кюгельгенъ, Гличъ и Ко, Екатерингофскій проспектъ, № 87.
1915.

1950223
73245
БИБЛИОТЕКА
ПОДРАБОТКИ И РАБОТЫ

си

Одуванчикъ желтымъ былъ,
Сдѣлался сѣдымъ.

Народныя пѣсни.

Ты трава ль моя, травинушка,
Ты трава моя шелковая,
Да кто же тебя, траву, притопталъ?
„Притоптали меня, травинушку,
Да все дѣтушки, да все малыя,
Въ зеленомъ саду гуляючи,
Золотымъ мячомъ играючи“.

Мать-сыра земля добра,
Уроди намъ хлѣба,
Лошадушкамъ овсеца,
Коровушкамъ травки!..

А. Орешнева.

Тучка въ небѣ таетъ,
Вѣетъ вѣтерокъ, —
Все намъ обѣщаетъ
Радостный денекъ.
Вволю погуляемъ
Въ зелени луговъ,
Тамъ мы собираемъ
Множество цвѣтовъ:
Одуванчикъ, кашку,
Лютикъ золотой,
Бѣлую ромашку
И репейникъ злой.

Лягушки.

Воздухъ тепелъ, небо ясно,
Тихо на прудѣ.
Вкусныхъ мошекъ и букашекъ
Много на водѣ.

Берега одѣла пухомъ
Сочная трава, —
Тамъ понѣжимся мы вволю,
Ква-ква-ква! ква-ква!

Гуси, домой!

- Давайте играть! предложила Лена.
- Давайте!
- Во что?
- Въ жмурки.
- Нѣтъ, не въ жмурки; здѣсь и прятаться негдѣ,
лучше въ „гуси, домой“ — посоветовала Лена.
- Хорошо, въ „гуси, домой“ — согласились всѣ.
- Я буду хозяйка, — сказала Лена и сѣла на камень.

Волкомъ назначили Мишу. Онъ сталъ за дерево.
Катя, Оля и Сережа — гуси, выбѣжали въ поле.
Стали перекликаться.

— Гуси, домой!

— Зачѣмъ?

— Волкъ подъ горой.

— Что онъ дѣлаетъ?

— Гуську щиплетъ.

— Какую?

— Сѣрую, бѣлую! Бѣгите, спѣшите домой!

Дѣти побѣжали, волкъ за ними и поймалъ Катю.
Во второй разъ — поймалъ Сережу.

А за Олей гонялся, гонялся, такъ и не поймалъ.

Народная пѣсня.

Сорока бѣлобока,
Кашку варила,
Гостей скликала,
Гости услышали,
Быть обѣщали.
Гости на дворъ,
Кашицу на столъ.

Этому дала на блюдечкѣ,
Этому на тарелочкѣ,
Этому на ложечкѣ,
Этому поскребушки,
А этому нѣтъ ничего.
Шувы! полетѣли,
На головушку сѣли.

Бѣлянка.

У Юрочки своя курица — Бѣлянка.

Она сидѣла на яйцахъ три недѣли и вывела цыплятъ. Ужъ какъ былъ радъ Юра, когда курица вышла на дворъ со своимъ семействомъ.

Онъ цѣлые дни глядѣлъ, какъ желтые пушистые комочки - цыплятки бѣгали вокругъ матери, какъ они спали подъ ея крылышками, какъ клевали зерна.

Они скоро привыкли къ нему и подходили близко, когда онъ сыпалъ имъ зерна.

Разъ курица пропала. Вышелъ Юрочка во дворъ и зоветъ: „цыпъ-цыпъ-цыпъ“!

Нѣтъ Бѣлянки!

Пошелъ въ садъ, искалъ на улицѣ, у сосѣдей, — нигдѣ нѣтъ.

Насталъ вечеръ; вдругъ изъ-за угла сарая послышалось: „квохъ-квохъ-квохъ!“

— Это Бѣлянка! закричалъ обрадованный Юра. И правда, насѣдка съ цыплятами вернулась домой. Всѣ были цѣлы и здоровы, и пошли они прямо въ курятникъ спать.

Гдѣ же пропадала Бѣлянка? А она водила своихъ цыплятъ на мусорную кучу, что была за сараемъ.

Народная пѣсенка.

Донъ! донъ! донъ!

Загорѣлся кошкинъ домъ.

Бѣжитъ курица съ ведромъ,

Но не добѣжала, воду расплескала.

Донъ! донъ! донъ!

Бѣжитъ уточка съ ковшомъ,

Ковшикъ уронила,

Воду всю разлила.

Донъ! донъ! донъ!

Погорѣлъ весь кошкинъ домъ!

Красная шапочка.

— Вотъ тебѣ корзина, въ ней масло, пирожокъ и молоко. Понеси все это бабушкѣ. Она больна и лежитъ одна.

Иди по этой дорожкѣ все прямо, мимо поля, мимо лѣса, а тамъ за лѣсомъ бабушкинъ домикъ.

Только смотри, никуда не сворачивай и никуда не заходи. Слышишь?

— Слышу.

И Красная шапочка пошла.

А что было дальше, — расскажите сами.

Горе пастуха.

Было еще очень рано, когда дѣдушка Софронъ погналъ овецъ на зеленый лужокъ.

Овцы принялись щипать свѣжую травку, а маленькіе ягнятки не отходили отъ своихъ матокъ.

Къ полудню солнце припекло; овцы собрались въ кучу и попрятали головы отъ жары.

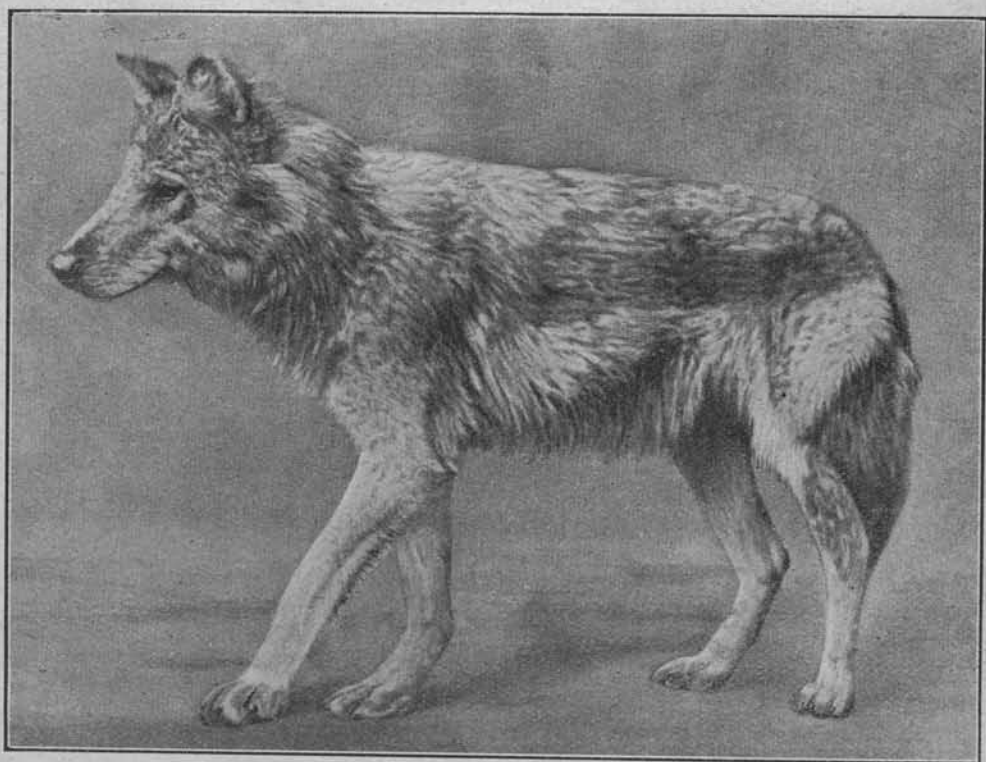
Софронъ погналъ ихъ къ ручью на водопой.

У ручья онъ прилежъ и заснулъ. Вдругъ громкое блеяніе овецъ разбудило его.

Онъ въ испугѣ открылъ глаза, осмотрѣлся и увидѣлъ, что къ лѣсу бѣжитъ волкъ съ ягненкомъ въ зубахъ.

Погоревалъ Софронъ, погоревалъ, да что подѣлаешь? Былъ бы Полканъ живъ, этого не случилось бы.

Къ вечеру собралъ онъ овецъ и погналъ ихъ домой. „Завтра же надо взять у Трофима собаку—овчарку“, рѣшилъ Софронъ: „безъ собаки никакъ нельзя“.

Народная пѣсня.

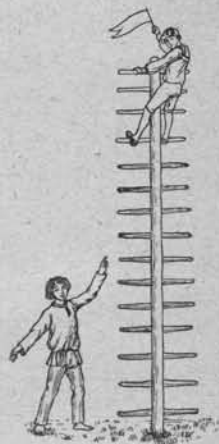
Отпросился козелокъ
У бабушки на часокъ:
„Ужъ ты, бабушка“
Ты, Варварушка!
Пусти въ поле, во лѣсокъ
На единый на часокъ:
Я семь волковъ убью,
Тебѣ шубу сошью,
А восьмого убью,
Воротникъ пришью.
Я поймаю тебѣ
Зайца сѣренькаго,
Лису желтенькую:
А зайчика на капотъ,
А лисаньку на сапогъ.“

Загадка.

По горамъ, по доламъ ходить шуба да кафтанъ.

Пари.

- Давай поспоримъ,
кто скорѣй долѣ-
зетъ до верху этой
лѣсенки съ фла-
гомъ въ рукѣ.
— Давай, отвѣтилъ
Федя Костѣ.

Ударили по рукамъ.

Первый полѣзь Костя; въ одной рукѣ у него былъ флагъ, другою хватался за перекладины.

Пока онъ лѣзь, Федя считалъ; когда досчиталъ до 60, Костя закричалъ: ура! и помахалъ флагомъ.

— Слѣзай, теперь я полѣзу, — сказалъ Федя.

Пока онъ лѣзь, Костя считалъ, но не успѣлъ онъ досчитать до 40, какъ Федя уронилъ флагъ.

Кто изъ нихъ выигралъ пари?

Табунъ лошадей.

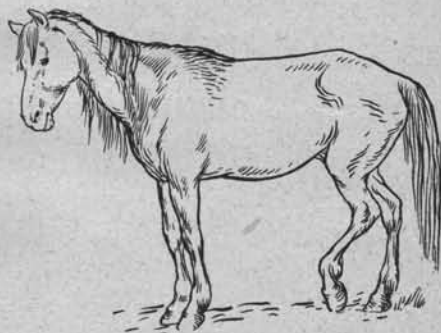
Недалеко отъ насъ живетъ богатый сосѣдъ, у котораго много красивыхъ лошадей. Особенно люблюсь я тремя лошадами: одна черная, ворона, другая бѣлая, какъ снѣгъ, а третья золотистая, съ бѣлой полоской отъ лба къ носу. Есть еще и другія лошади, но онѣ мнѣ не такъ нравятся.

Мы съ братомъ каждый день бѣгаемъ смотрѣть на нихъ къ конюшнямъ.

Лѣтомъ ихъ выгнали на лугъ вмѣстѣ съ жеребятками, и мы придумывали каждому жеребеночку имя. Я назвала одного „Красавчикомъ“, другого „Любимчикомъ“, третьяго „Бѣгункомъ“, четвертаго „Крѣпышомъ“. Мой братъ далъ другія имена: „Догони-Вѣтеръ“, „Стрѣла“, „Золотая Шерстка“ и „Молнія“. Мы поспорили, чьи имена лучше, и пошли къ конюху Якову. Онъ выслушалъ насъ и сказалъ: „Вы оба придумали хорошія имена, но этихъ жеребяткокъ уже назвали, какъ только они родились: „Воронокъ“, „Гнѣдко“, „Былинка“ и Кудряшъ“.

Старая лошадь.

Много лѣтъ работала Пѣгашка на семью Пахома: возила дрова, снопы, сѣно; ѣздили на ней каждый годъ на ярмарку и въ сосѣдній монастырь.

Теперь она старая, слабая, на одну ногу хромаетъ и уже больше не работаетъ. Лѣтомъ она цѣлый день на полянѣ, то лежитъ, то пощипываетъ траву, то стоитъ и дремлетъ. Зимой она въ конюшнѣ вмѣстѣ съ другой лошадкой.

„Пусть живетъ такъ, она заработала свой покой“, говоритъ Пахомъ.

Дѣти часто Пѣгашку ласкаютъ и кормятъ хлѣбомъ.

Художники.

Увидѣли Настя и Федя, какъ художникъ писалъ портретъ папы съ охотничьей собакой и рѣшили: „давай и мы рисовать“.

Дядя далъ имъ краски, кисти, картонъ и карандаши.

— Федя, если мы начнемъ рисовать собаку, то она не будетъ стоять спокойно и убѣжить, — говорила Настя.

— Ну выберемъ другое, что не убѣжить, — отвѣтилъ Федя.

— Я нашла! я нашла! Я буду рисовать свою игрушку — зайчика.

— А я хочу рисовать наѣздника.

— Но куда мы поставимъ его, вѣдь у насъ одинъ столъ, а наѣздникъ и зайчикъ не бываютъ рядомъ? — спросила Настя.

— Какъ не бываютъ, а въ игрушечной лавкѣ. Пусть и у насъ стоятъ рядомъ, — и Федя поставилъ за зайчикомъ наѣздника.

Принялись рисовать.

Настя быстро набросала карандашомъ рисунокъ, потомъ взяла кисть и стала писать. А Федя, что нарисуетъ, то и сотретъ резиной; опять, что нарисуетъ, то и сотретъ.

Работнички.

Работнички.

Въ домѣ Ивановыхъ прислуга заболѣла и лежитъ; мать вмѣсто нея готовитъ обѣдъ и убираетъ комнаты, а дѣти ей помогаютъ.

Съ утра дѣти уговариваются, кому что дѣлать.

— Ася, съ чего начнемъ сегодня? — спрашиваетъ Юра.

— Сначала вымоемъ чайную посуду, вытремъ ее, потомъ подметемъ комнаты, потомъ...

Юра ее перебиваетъ: — Нѣтъ, Ася, лучше такъ: ты мой посуду и вытирай ее, а я принесу дровъ и затоплю печь. Потомъ ты будешь подметать, а я вытирать полы сукномъ; ты будешь стирать пыль, а я подберу соръ и вынесу въ мусорный ящикъ.

— А потомъ, когда это кончимъ, пойдёмъ, вмѣстѣ въ кухню помогать мамѣ: она просила почистить картофель и порѣзать капусту, — прибавила Ася.

— Ну давай скорѣе приниматься за дѣло, — согласился Юра.

Пока Ася мыла чашки и блюдечки, Юра успѣлъ растопить печь. Потомъ они принялись за комнаты, но тутъ они чуть не поссорились.

— Куда же ты, Ася, метешь? Вѣдь ты намела соръ на чистое мѣсто! Я уже вытеръ тутъ сукномъ, а ты намела! Ты совсѣмъ не умѣешь подметать! Ты и щетку-то держишь не такъ, какъ нужно.

— Какъ не умѣю? Я уже вторую комнату мету. А ты умѣешь только замѣчанія дѣлать! сказала Ася со слезами.

— Давай лучше помѣняемся работой: я буду подметать, а ты вытирай сукномъ,—предложилъ Юра.

— Нѣтъ, ужъ какъ начали, такъ и кончимъ: я со щеткой, а ты съ сукномъ,—упиралась Ася.

Но тутъ мама изъ кухни крикнула:

— Ася и Юра, вы скоро придете помогать мнѣ въ кухнѣ? Поторопитесь, а то мнѣ не успѣть съ обѣдомъ къ приходу папы!

— Сейчасъ, мама,—отвѣтили Юра и Ася въ одинъ голосъ.

Они быстро окончили уборку комнату и пошли къ мамѣ.

— Куда, Юра, ѣдешь,
Куда погоняешь?

— Сѣно косити.

— На что тебѣ сѣно?

— Коровокъ кормити.

— На что тебѣ коровы?

— Молоко доити.

— На что тебѣ молоко?

— Ребятокъ поити.

Н. К. П.
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
по
НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

Разскажите, что знаете про каждыя изъ этихъ мальчиковъ.

Пастухъ и подпасокъ.

Илья давно въ пастухахъ, ужъ лѣтъ двадцать. Старъ сталъ, вотъ и взялъ себѣ на помощь подпасака Алёшу. Такъ пасли они вдвоемъ всю весну и лѣто. Настала осень. Какъ-то вечеромъ Илья созвалъ рожкомъ стадо и говоритъ Алёшѣ: „Пора на водопой и домой.“

Погнали они скотъ домой и не замѣтили, какъ два вола ушли.

Пригнали домой, хватились, а двухъ воловъ нѣтъ.

И туда и сюда ходили, искали, спрашивали. Нѣтъ нигдѣ воловъ, пропали!

Всю ночь не спали Илья и Алёша, все думали, гдѣ бы еще поискать.

Утромъ рано, рано всталъ Алёша и ушелъ куда-то!

Черезъ часъ смотритъ Илья въ окно, а вола на дворѣ и Алёша съ ними.

Обрадовался Илья, выбѣжалъ и спрашиваетъ:
— Алёша! нашель воловъ? гдѣ?

— Да версты за двѣ отсюда. Пришли прямо къ сторожкѣ лѣсника и стоятъ. Я ихъ сейчасъ же узналъ, вотъ и пригналъ.

— Ну, молодецъ, Алёша! спасибо! А я ужъ думалъ, что волки ихъ задрали. Ну, спасибо тебѣ, спасибо!

Куклы бабушки.

У моей бабушки двѣ куклы. Она бережетъ ихъ до сихъ поръ и мнѣ даетъ иногда въ руки поддержать. Бабушка много рассказываетъ о нихъ и вспоминаетъ свое дѣтство.

Когда бабушкѣ было шесть лѣтъ, ей подарили на именины фарфоровую куклу въ шапочкѣ съ перомъ, красномъ шелковомъ платьѣ и бархатной кофтѣ.

А когда ей было восемь лѣтъ, крестная мама подарила ей другую куклу, въ бѣломъ платьѣ и шляпѣ. На платьѣ ленты, кружева, розы.

— И какъ это ты, бабушка, сберегла ихъ? До сихъ поръ цѣлы... Не отбиты ни руки, ни ноги, ни головки, ни носы!

— А такъ и сберегла. Полюбуюсь ими, поиграю и спрячу.

— А какъ ты играла съ ними?

— Поставлю передъ ними игрушечный столикъ, положу на него конфеты, ну и угощаю ихъ.

Или одну куклу водила въ гости къ другой. Одна, будто, спрашиваетъ, а другая отвѣчаетъ. А говорю то за нихъ я.

Такъ рассказывала бабушка.

Когда я налюбуюсь куклами, бабушка запираетъ ихъ опять въ шкафъ.

Онѣ тамъ всегда стоятъ на своихъ подставочкахъ. И совсѣмъ какъ новенькія, только красное платье немного полиняло.

Колыбельная.

Баю, кукла, баю, бай —
Спи, а то придетъ бабай!

Мячикъ спитъ, и утка спитъ,
Осликъ въ сумочкѣ храпитъ.

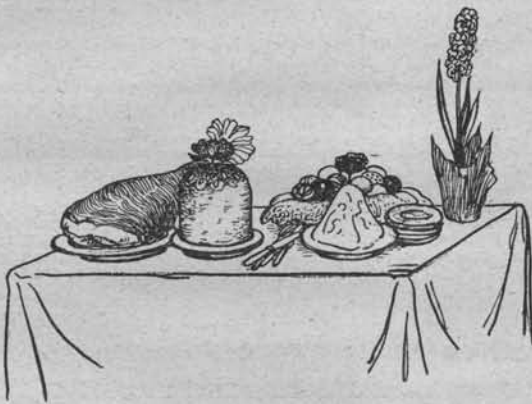
Если крѣпко будешь спать,
Дамъ конфетку полизать.

Встанешь, сказочку скажу —
Про слона... и про Жужу.

Интересно, ай-ай-ай!
Только раньше надо бай.

К. Бальмонта.

Дремлютъ птички и цвѣты,
Отдохни, усни и ты,
Я всю ночь здѣсь пропою:
„Баю-баюшки-баю!“

— Христось воскресе! милый Лёва,— сказала мнѣ мама утромъ въ Свѣтлый праздникъ, поцѣловала три раза и дала красное яичко.

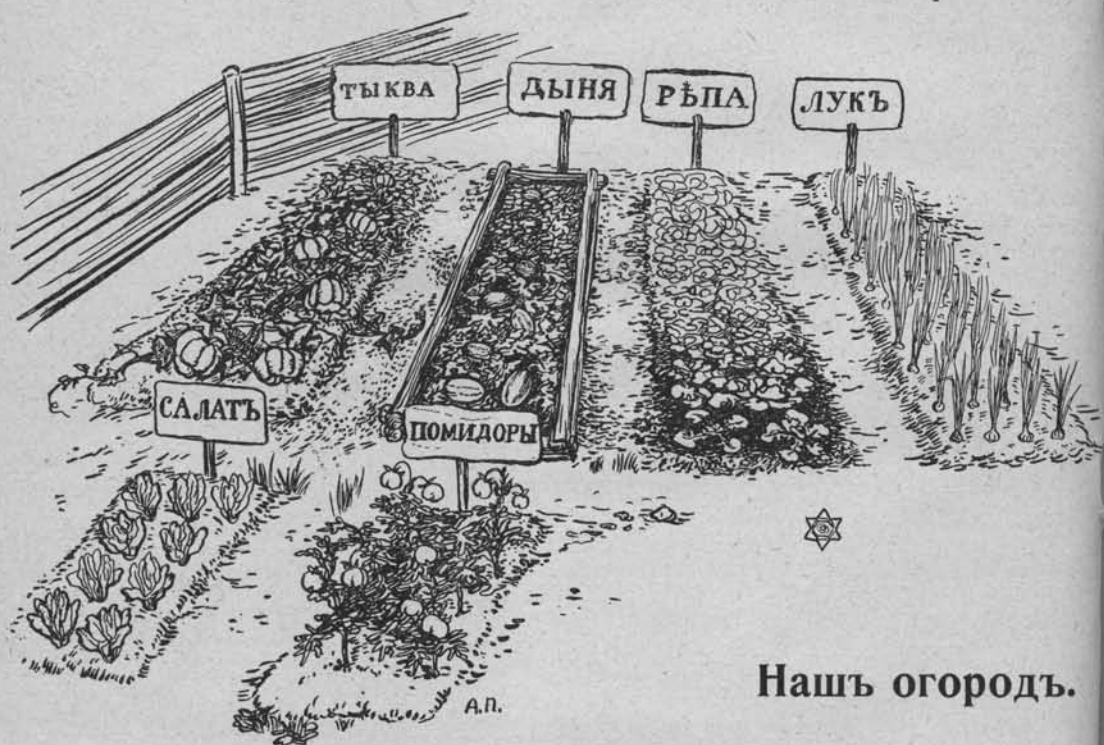
— Воистину воскресе!— отвѣтилъ я и далъ мамѣ яичко, которое расписалъ красными и синими крапинками и крестиками. Потомъ я христовался съ бабушкой, папой, братьями и сестрами. Всѣ мнѣ давали по яичку, а у меня ужъ больше не было, я приготовилъ только одно для мамы.

Нашъ пасхальный столъ.

На столъ у насъ стоялъ окорокъ ветчины, сырная пасха, баба съ глазурью и красной бумажной розой наверху, блюдо съ крашенками и горшокъ съ гiацинтомъ.

Мама положила и яичко, которое я ей подарилъ, на блюдо.

У себя въ углу я устроилъ маленькiй столъ, поставилъ маленькiй куличъ, воткнулъ въ него двѣ розы и положилъ всѣ яички горкой. Два дня я ѣлъ подаренныя мнѣ яички, а мамино спряталъ,

Нашъ огородъ.

У насъ въ огородъ растутъ тыквы, дыни, рѣпа, лукъ, салатъ, помидоры.

Все сѣяли и садили сами. Сами и поливаемъ каждый вечеръ.

Пришла сосѣдка посмотрѣть нашъ огородъ и сразу замѣтила:

— А капуста у васъ нѣтъ?

— Нѣтъ, у насъ мало мѣста.

— Ну, а у меня уродилась капуста на славу.

Я когда ее садила, то приговаривала: „Капуста, капуста! не будь голенаста, будь пузаста! Не будь пустая, будь тугая! Не будь красна, будь вкусна!“

А еще есть у насъ двѣ грядки рѣдьки. Особенно постомъ она нужна. Вѣдь въ рѣдькѣ пять яствъ: рѣдечка-триха, рѣдечка-ломтиха, рѣдечка съ квасомъ, рѣдечка съ масломъ да рѣдечка-такъ.

Сѣяли мы также и рѣпу да приговаривали: „Въ землю крошкой, а изъ земли лепешкой!“

Загадки:

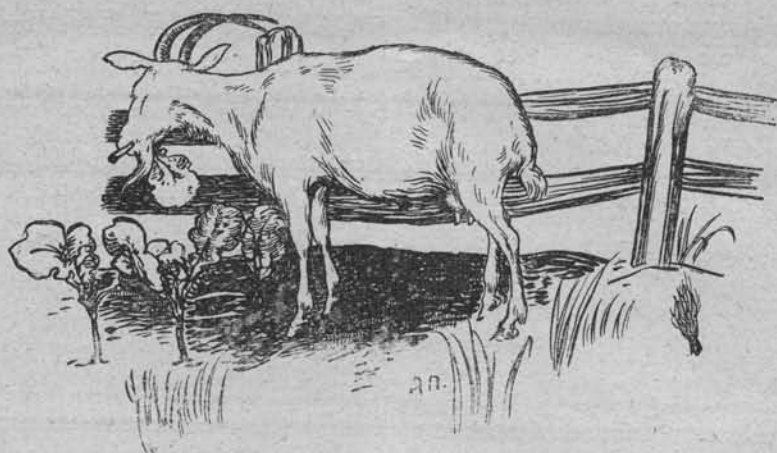
Сидитъ дѣдъ, многими шубами одѣтъ, кто его раздѣваетъ, тотъ самъ слезы проливаетъ.

Маленькій удаленькій, въ землю ушелъ, красну шапку нашелъ.

Семьдесятъ одежекъ и всѣ безъ застежекъ.

Приговорка.

Сѣю, вѣю бѣлъ горохъ; уродися, мой горохъ, и крупень и бѣлъ и самъ тридцать; старымъ бабамъ на потѣху, молодымъ ребятамъ на веселье.

Коза.

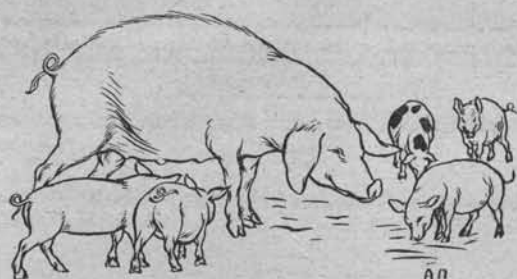
У нашего огорода было много враговъ: и гусеницы, которыя объѣдали листья, и медвѣдки, которыя подѣдали коренья, и кроты, которыя вырывали длинные ходы подъ грядками, и свиньи, которыя пролѣзали подъ заборомъ и своимъ тупымъ рыломъ вырывали все, что можно съѣсть.

А сейчасъ забралась въ огородъ новая разбойница, наша коза, и уже ѣсть что-то.

Чуть не углядишь, она ужъ въ огородѣ хозяйничаетъ на грядкахъ, — не столько съѣсть, сколько потопчетъ и помнетъ.

Мы всѣ бѣжимъ въ огородъ, хватаемъ козочку за рога и тащимъ ее отъ грядокъ.

Она упирается, иногда бодаетъ насъ рогами. Чтобы отучить ее отъ огорода, мы часто кормимъ ее свѣжею зеленою травкою. А еще лучше, надо заборъ сдѣлать повыше, да калитку всегда запирать.

Хрюшка.

У Хрюшки поросятки. Какіе они славненькіе; всѣ бѣленькіе, только одинъ съ темными пятнышками.

Бѣгають они съ закрученными хвостиками, играютъ другъ съ другомъ, визжать.

Своими носами-пяточками уже роютъ землю, ищутъ ѣду.

Мы сами готовимъ имъ кормъ; да они все ѣдятъ, что ни дай: и моченый хлѣбъ, и корки огурцовъ, и яблоки зеленые, и мясо, и рѣпу, и картофель, и жолуди... А сама Хрюшка залѣзетъ въ лужу, вывалется въ грязи по уши и поросяткокъ тому же учить, а потомъ идетъ довольная, похрюкиваетъ, да объ углы почесывается.

Папа разъ намъ задалъ такую загадку: „Ничего не болитъ, а все стонетъ. Кто это?“

Мы сразу же догадались: въ это время проходила мимо насъ наша Хрюшка съ поросятами.

Народныя пѣсни:

Яблонька, моя яблонька,
Яблонька моя зеленая,
Сама стану я яблоньку поливати,
Сама корешокъ обчищати,
Сама червячковъ обметати.

Въ саду яблонька стоитъ,
Соловей на ней сидитъ,
Громко пѣсенки поетъ,
Ванѣ спать не даетъ, —
Къ себѣ Ванюшку зоветъ.

Народная примѣта.

Соловей начинаетъ пѣть, когда можетъ
напиться росы съ березоваго листа.

Березка.

П. Соловьевой.

Сережки я развѣсила
По тоненькимъ вѣтвямъ
И радостно и весело
Готовлюсь къ вешнимъ днямъ.
Сквозная тѣнь дрожащая
Упала отъ меня
И жду съ лѣсною чащею
Я Троицына дня.

Троица.

Наканунъ Троицына дня Алеша, Гриша, Ваня и Сережа собрались въ лѣсъ.

— Куда это вы, ребята? окликнулъ ихъ Яша:

— Въ лѣсъ за березками.

— И я съ вами, подождите! Пойду, возьму топорикъ, — заторопился Яша.

— И мы съ вами, выбѣжали изъ дворовъ дѣвочки.

— Куда вамъ, мы далеко пойдёмъ, не дойдете.

— Дойдемъ, возьмите насъ, приставали тѣ.

— Ну, ладно.

Пошли всѣ гурьбой. Мальчики въ лѣсу на-рубили вѣтокъ березы, а дѣвочки нарвали по пучку цвѣтовъ. Мальчики несли вѣтви домой на плечѣ, только маленькій Ваня поволокъ березку по землѣ. Она вся запылилась и обтрепалась.

Березки поставили передъ крылечками и въ углу подъ образами. А на Троицу всѣ были въ церкви съ цвѣтами въ рукахъ. Церковь и образа были убраны вѣнками и березками, на полу трава.

Хорошо было, душисто!

Послѣ обѣда дѣвочки вышли за околицу, тамъ плели вѣнки и водили хороводы вокругъ березки. А березку-то убрали лоскутками и лентами и пѣли:

Собирайся, собирайся, народъ въ хороводъ!

Станемъ кругомъ ходить да весну веселить,

Хороводъ заведемъ, запоемъ:

Здравствуй, здравствуй весна!

У моря.

Лева настоящій мастеръ: онъ взялъ кусокъ сосновой коры, обтесалъ его кругомъ, сгладилъ корявинки, середину немного выдолбилъ, просверлилъ дырочку и вставилъ палочку. Палочка—это мачта; на ней прицѣпилъ бѣлый лоскутокъ,—это парусъ, съ одного края вставилъ кусокъ жести, это—руль; вышла парусная лодка.

Прибѣжалъ Коля, увидѣлъ у Левы лодочку, и ему захотѣлось смастерить такую же. Пошелъ домой, выпросилъ у отца ножикъ, у сестры—бѣлый лоскутокъ; кусокъ жести нашель на улицѣ. Возился долго. Особенно трудно было вставлять мачту въ лодочку: она падала и не держала парусъ. Два раза обрѣзалъ себѣ палецъ, и самъ обвязалъ тряпочкой. Никому не сказалъ, а то бы отняли ножикъ.

Къ вечеру лодочка была готова, и Коля помчался къ Левѣ. Тотъ былъ уже у моря и въ маленькомъ заличикѣ пускалъ лодочку.

— Давай пускать вмѣстѣ. Скажемъ: разъ-два-три! и выпустимъ изъ рукъ кораблики, — предложилъ Коля.

Разъ-два-три!

Левина уткнулась въ берегъ и остановилась, а Колина поплыла по заливчику.

Такъ и сдѣлали. Вошли въ воду и приготовились. „Разъ-два-три!“ скомандовалъ Лева, и лодочки съ надувшимися парусами поплыли; Левина быстро, а Колина медленно, но зато Левина уткну-

А у маленькаго Вити не было такой игрушки. Онъ тоже бѣгалъ къ морю, игралъ съ волной и поджидалъ, что выброситъ море: то ракушка оставалась послѣ волны, то камешекъ, то морская трава.

Витя поджидалъ, что выброситъ море...

Рыболовы.

Поплыли въ лодкѣ на рыбную ловлю два мальчика. Борисъ сидѣлъ у руля, Глѣбъ гребъ веслами. Сѣти взяли у рыбака и положили на дно лодки. Отплыли отъ берега. Вѣтеръ дулъ, лодку немного качало. Борисъ запѣлъ:

Я вольный вѣтеръ,
Я вѣчно вѣю,
Волную море,
Ласкаю ивы.

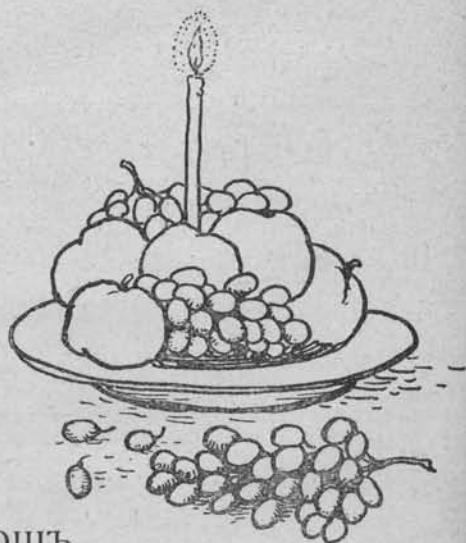
Подплыли къ тихому мѣсту, закинули сѣти: ничего не поймали, ни одной рыбешки.

Попробовали въ другомъ мѣстѣ закинуть, — опять ничего. Въ третьемъ мѣстѣ тоже ничего. Такъ и причалили къ берегу съ пустыми руками; смотрятъ, а рыбакъ выбираетъ изъ своихъ сѣтей ершей.

6-го августа.

Сегодня бабушка взяла узелокъ яблокъ, винограду и меду и понесла въ церковь.

— Слава Богу, уродилось много яблокъ, и медъ хорошъ,

а виноградъ, хотъ еще не весь дозрѣлъ, но видно, что годъ урожайный, — говорила она.

— А зачѣмъ, бабушка, въ церковь носятъ плоды? спросилъ я, при входѣ въ ограду.

— Какъ зачѣмъ? Надо освятить труды чело-вѣка, солнышка, земли...

— И пчелки?

— Да, и пчелки.

Въ оградѣ уже стояли рядами столы, а на нихъ узелки, блюда и тарелки съ плодами.

Послѣ обѣдни бабушка вставила свѣчу между яблоками и затеплила ее. Одна кисть винограда скатилась съ тарелки, и три ягодки оторвались. Я потянулся за ними, хотѣлъ съѣсть, но бабушка строго остановила меня:

— Подожди, пусть сначала Господь благо-словить ихъ!

Около столовъ собралось много ребятишекъ. Какъ только плоды освятилъ священникъ, началась раздача. Я сталъ въ очередь и получилъ нѣсколько яблоковъ, грушъ и сливъ.

Дома мнѣ дали еще хлѣба съ медомъ и ви-нограду.

Солнце пригрѣетъ, — все поспѣетъ.

Змѣй.

Прибѣжалъ Лева съ улицы и прямо къ дядѣ:

— Дядя, сдѣлай же мнѣ змѣя! Теперь вѣтерокъ. Ты обѣщаль. Говорилъ, когда вѣтерокъ будетъ, тогда сдѣлаешь.

— Хорошо, хорошо! Только змѣй будетъ скороспѣлый, клеить мы не будемъ, не успѣемъ: вѣтерокъ можетъ затихнуть.

— А что значить, дядя, скороспѣлый?

— А вотъ увидишь. Ступай попроси у мамы сахарной бумаги, ножницы и лоскутки для хвоста. Да принеси дранки, что мы съ тобой спрятали подъ сараемъ.

Лева все это принесъ, и дядя началъ дѣлать змѣя. Живо закипѣло дѣло. Сперва онъ вырѣзалъ изъ бумаги трехугольникъ,—короткая сторона его была закругленная,—потомъ, чтобы змѣй не сгибался при полетѣ, прошилъ его накрестъ двумя дранками, разодралъ лоскутки на ленты, изъ лентъ связалъ хвостъ, хвостъ привязалъ къ змѣю, сдѣлалъ путы и понавязалъ трещетокъ.

— Уже готово! сказалъ дядя. Ну, что, Лева, скоро поспѣлъ змѣй?

— Скоро.

— Теперь знаешь, что значить скороспѣлый?

— Знаю... А на чемъ я буду пускать змѣя?

— Да, я и забылъ. Сбѣгай въ лавочку и купи катушку нитокъ № 1.

Лева принесъ нитокъ; конецъ нитки прикрѣпили къ змѣю, вышли на лужокъ, Лева побѣжалъ, держа мотокъ въ рукѣ, и змѣй взвился; трещетки такъ затрещали, что Оля, сестренка Левы, перестала катать свою повозочку и удивленная смотрѣла, какъ леталъ змѣй.

Журавли.

Маріи Конопницкой.

Улетаютъ, улетаютъ,
Все быстрѣй несутся...
Не горюй, родное поле, —
Журавли вернутся.

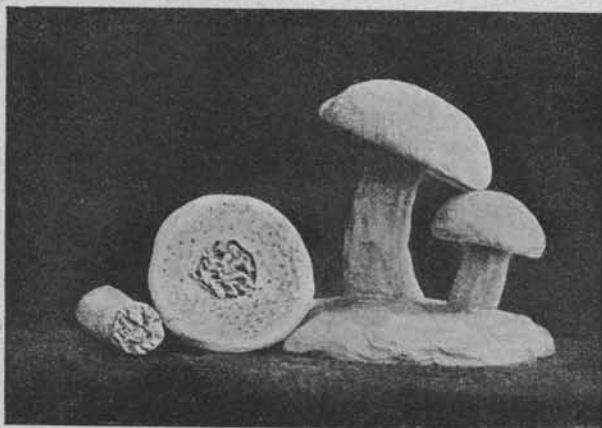
Осень.

К. Бальмонта.

Поспѣваетъ брусника,
Стали дни холоднѣе,
И отъ птичьяго крика
Въ сердцѣ только грустнѣе.

Стаи птицъ улетаютъ
Прочь, за синее море.
Всѣ деревья блистаютъ
Въ разноцвѣтномъ уборѣ.
Солнце рѣже смѣется,
Нѣтъ въ цвѣтахъ благовонья.
Скоро осень проснется
И заплачетъ спросонья.

* *
* *

Грибы.

— Гриша, пойдёмъ въ лѣсъ за грибами, —
позвалъ Миша своего товарища.

— Пойдемъ. Вотъ возьму корзину и выйду
къ тебѣ, а ты подожди меня у околицы.

Гриша побѣжалъ въ избу, взялъ корзину
и нагналъ Мишу.

Пошли вмѣстѣ въ лѣсъ.

Пришли.

— Гриша! Гриша! смотри, какой грибъ! подь березой!

— Миша, да тутъ два гриба! И еще грибъ! сразу три гриба! Ай, ай, какъ много! Только успѣвай собирать!

— Смотри, Гриша, ты растопталъ семейку грибовъ: всѣ кучкой сидѣли!

Не успѣли оглянуться, какъ ужъ корзины были полны.

— Давай, Миша, отдохнемъ! Прилегли на травкѣ подь березой. Вдругъ грянулъ громъ.

— Ой, Гриша, пойдѣмъ лучше домой, громъ гремитъ!

— И то правда, громъ. И не замѣтили, какъ туча набѣжала.

Чуть не бѣгомъ пустились дѣти домой.

— Я свои грибы на станціи продамъ, сказалъ Миша.

— А я снесу домой. Мама сварить изъ грибовъ супъ.

— Деньги за грибы я тоже домой снесу, — прибавилъ Миша.

Когда мальчики подходили уже къ дому, рѣдкія но крупныя капли дождя падали на пыльную дорогу и скатывались въ катышки.

Загадки:

Стоитъ Антошка на одной ножкѣ.

На бору, на юру стоитъ мужичекъ, красный колпачекъ.

Орѣхи.

Я недавно видѣлъ самъ,
Какъ въ оврагахъ, по лѣсамъ,
Вамъ, ребятамъ, для потѣхи,
На кустахъ растутъ орѣхи.
Дни ихъ лѣтніе пригрѣли,
И орѣхи загорѣли.
Позапрятались комочкомъ
Подъ шершавымъ подъ листочкомъ,
По два, по три, по пяти...
Какъ бы намъ ихъ всѣхъ найти!
Подходите ближе, дѣтки,
Я нагну пониже вѣтки,
Вы же шарьте по вѣтвямъ,
Вверхъ, и внизъ, и тамъ и сямъ.

Да смотрите не зѣвайте:
Бѣлкамъ меньше оставляйте!
Раздаются крики, смѣхъ:
„Вотъ орѣхъ, еще орѣхъ!..“
— Ты, малышъ, тянись скорѣе,
Эти рви, что посмуглѣе...
Проглядѣлъ внизу опять:
Видишь, — три, а рядомъ пять.
Затолкали вы дѣвченку...
Тише, сыпьте въ рубашенку,
Кто корзинъ не захватилъ.
Тотъ за пазуху набилъ,
Тотъ горой насыпалъ въ шапку,
Этотъ маленькій въ охапку
Чуть не цѣлый кустъ схватилъ,
А сорвать-то нѣту силъ.
Громче крики, звонче смѣхъ:
„Вотъ еще, еще орѣхъ.“
— Будеть! Много есть у всѣхъ.
Ну, а тѣ, что здѣсь останутся,
Бѣлкамъ рыженькимъ достанутся.

Загадка.

Гни меня, ломи меня; у меня есть мохнашка,
въ мохнашкѣ гладкое, въ гладкомъ сладкое.

Зимой.

К. Бальмонта.

На конькахъ начнемъ кататься
Мы на звонкомъ льду.
Будеть смѣхъ нашъ раздаваться,
Въ паркѣ на пруду.

Въ ожиданіи зимы.

Подъ осенними осинками
Зайка зайкѣ говоритъ:
„Посмотри, какъ паутинками
Нашъ осинничекъ обвить.
Замелькали нити бѣлыя,
Закраснѣлъ въ дубравѣ листь.
Сквозь деревья помертвѣлыя
Чей-то слышенъ вой и свистъ.
То зима — Яга сердитая, —
Горе бѣдному звѣрю!
Поспѣшимъ къ ея прибытію
Шубку выбѣлить свою“.
Подъ осенними осинками,
Обнялись друзья. Молчатъ.
Повернулись къ солнцу спинками,
Шубки сѣрыя бѣлятъ.

Снѣжинки.

У царя мороза много внучекъ нѣжныхъ,
Звѣздочекъ - снѣжинокъ, въ царствѣ ледяномъ;
Всѣ онѣ кружатся въ розахъ бѣлоснѣжныхъ,
И, сверкая, рѣютъ въ воздухѣ ночномъ.

Елка.

Снѣгомъ улица покрылась;
Вотъ ужъ и сама
Въ гости къ намъ заторопилась
Бабушка зима.

Вся подъ бѣлой пеленою,
Елочку несетъ
И, мотая головою,
Пѣсенку поетъ:

„Дѣти, къ вамъ на радость вашу
Елку я несу;
Елку всю я разукрашу,
Лакомствъ припасу.

Будутъ всякія игрушки:
Мячики, коньки,
Избы, куклы, погремушки,
Звѣри и волчки.

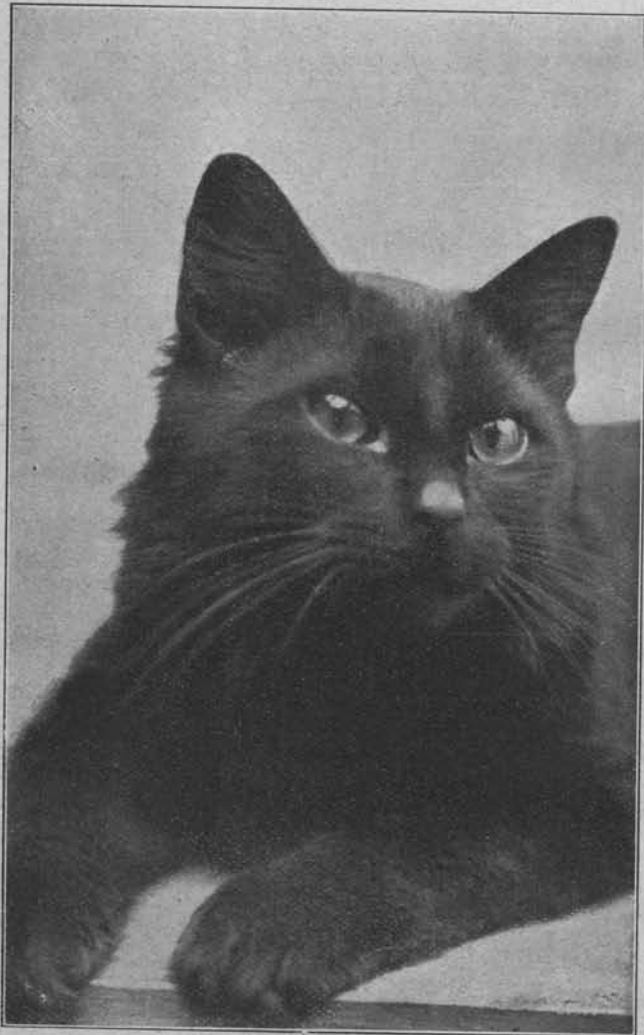
А коль есть шалунъ-проказникъ,
То скажу я вамъ,
Что такому я на праздникъ
Ничего не дамъ.

А. Блока.

И пойдешь ты съ мамой
Покупать игрушки,
И разсматривать за рамой
Звѣзды и хлопушки...

Сестры будутъ кукламъ рады.
Братья просятъ пушекъ,
А тебѣ совсѣмъ не надо
Никакихъ игрушекъ.

Ты сама нарядишь елку
Въ звѣзды золотыя
И привяжешь къ вѣткѣ колкой
Яблоки большія.

Уголекъ.

Моя тетя пріѣхала къ намъ погостить и привезла съ собой своего любимца—кота.

Ну и котъ! Большой, мохнатый, лапки у него бархатныя, хвостъ пушистый, усы длинные. Самъ черный, какъ уголь, а глаза сверкаютъ, какъ два желтыхъ огонька. Недаромъ его зовутъ „Уголекъ.“

Онъ очень привыкъ къ тетѣ, и любитъ же ее какъ! Куда она, туда и онъ; она пойдетъ куданибудь, онъ за нею; она сядетъ, и онъ около нея примостится, или у ногъ, или на стулѣ, или даже на столѣ.

Если тетѣ весело, онъ мурлычитъ ей пѣсенку; если она грустна или больна, онъ молча посматриваетъ на нее и изрѣдка мяукаетъ, какъ будто спрашиваетъ: „что съ тобой?“

Только отъ тети онъ и беретъ ѣду. Я съ сестрой Олей давали ему — не беретъ, отворачивается, только жмурится.

А тетя смѣется: — я говорила вамъ, что не возьметъ, что?

— А мышей онъ ловить? — спросила Оля тетю.

— У насъ и мышей-то въ домѣ нѣтъ, отвѣтила тетя.

— Ну, а если увидитъ мышку, онъ бросится за нею? У насъ вѣдь много мышей, всѣ углы прогрызли, приставала Оля.

— Не знаю, бросится или нѣтъ.

Дня черезъ два Оля вбѣжала въ комнату съ крикомъ: „Уголекъ поймалъ мышъ! Идите, поглядите!“

Мы всѣ бросились къ коту. Котъ сидѣлъ въ углу и во рту держалъ мышъ.

Когда мы подошли къ нему, онъ неожиданно такъ громко заурчалъ, что тетя удивилась и сказала:

— Ахъ, ты хищникъ! А я-то думала, что ты только на молокъ и печенкъ проживешь... Стыдно, стыдно!

А котъ все урчалъ, какъ будто боялся, что у него отнимутъ его добычу.

Про кошку.

Новикова.

Сѣренькая кошка, сѣла у окошка,
Хвостикомъ виляла, дѣтокъ поджидала.

Котъ Васька.

Ходитъ Васька бѣленькій,
Хвостъ у Васьки сѣренькій,
А бѣжитъ — стрѣла.

Глазки закрываются,
Когти расправляются,
Зубы — какъ игла.

Поступь еле слышная,
Шерсть у Васьки пышная,
Мягкая, какъ ленъ.

Мышки, не рѣзвитесь,
Тише... берегитесь!
Въ мигъ поймаешь онъ.

Птичій дворъ.

Насъ пригласили на большой птичій дворъ Юсуповыхъ смотрѣть только что вылупившихся лебедятъ.

Съ нами пошелъ и папа.

Усадьба была въ полуверстѣ отъ насъ, и мы быстро добѣжали до нея.

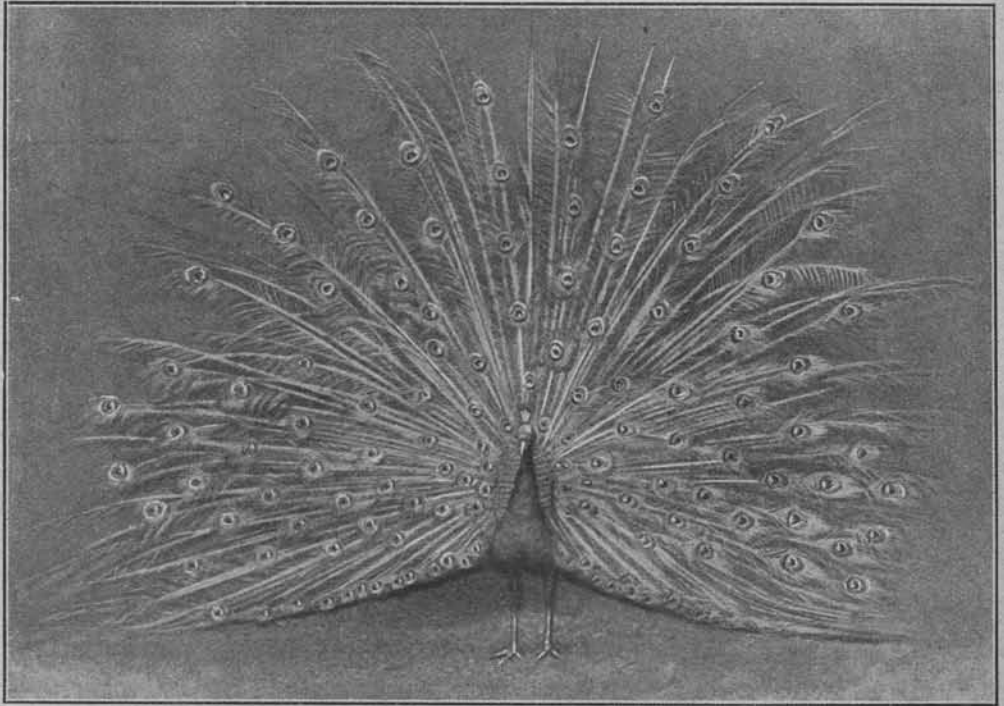
Утки у пруда.

Мы уже стояли около клѣтокъ, въ которыхъ важно разгуливали мохнатые пѣтухи и куры, когда пришелъ папа.

У пруда плескались утки, а на большой полянѣ ходили въ развалку бѣлыми стадами гуси.

Насъ торопили пройти къ лебедямъ; по дорогѣ къ лебединому домику всѣ вскрикнули отъ удивленія и остановились: передъ нами тихо похаживалъ павлинъ съ распущеннымъ, какъ вѣеръ, хвостомъ.

Такой красоты никто изъ насъ не видѣлъ раньше.

Павлинъ съ распущеннымъ хвостомъ.

Ну и перья!

Зеленая съ синеватымъ отливомъ сверкали они на солнцѣ, какъ драгоценные камни.

— А вотъ тамъ, за павлиномъ, лежитъ одно перо. Папа, нельзя мнѣ его взять, — приставала Оля къ отцу.

— Не знаю. Вѣдь не я тутъ хозяинъ!

Сторожъ услышалъ Олины слова и сказалъ:

— Ладно, я вамъ дамъ это перо, какъ только павлинь отойдетъ отъ него, я подниму. А сейчасъ нельзя его беспокоить и пугать.

Мы стояли и забыли даже о лебедяткахъ.

— Посмотрите еще вотъ туда, видите: глядя на павлина, надулся и индюкъ, — указаль намъ сторожъ

Индюкъ.

Мы повернулись и засмѣялись: большой бѣлый индюкъ, важно надувшись, ходилъ какъ на парусахъ.

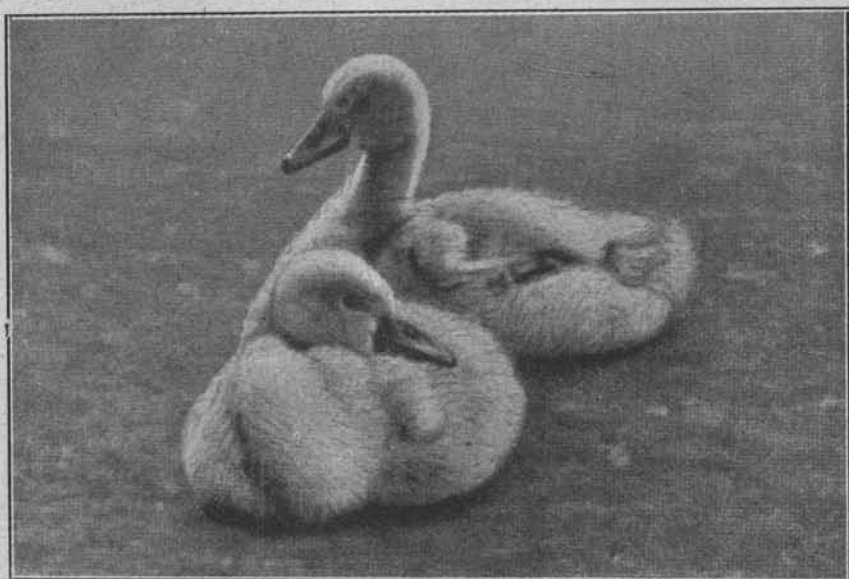
Надуется и забулюкаетъ, опять надуется и опять буль-буль-буль!

И при этомъ у него смѣшно болтался синій носъ.

Тутъ у насъ глаза разбѣжались: хотѣлось смотрѣть и на красавца павлина и на индюка.

Но солнце уже заходило, и папа поторопилъ итти къ лебедятъ.

У большого пруда стоялъ маленькій красивый домикъ, около него на солнышкѣ на доскѣ сидѣли два желтенькихъ, пушистенькихъ лебеденочка, а недалеко отъ нихъ плавала мать-лебедь, съ выгнутою шей.

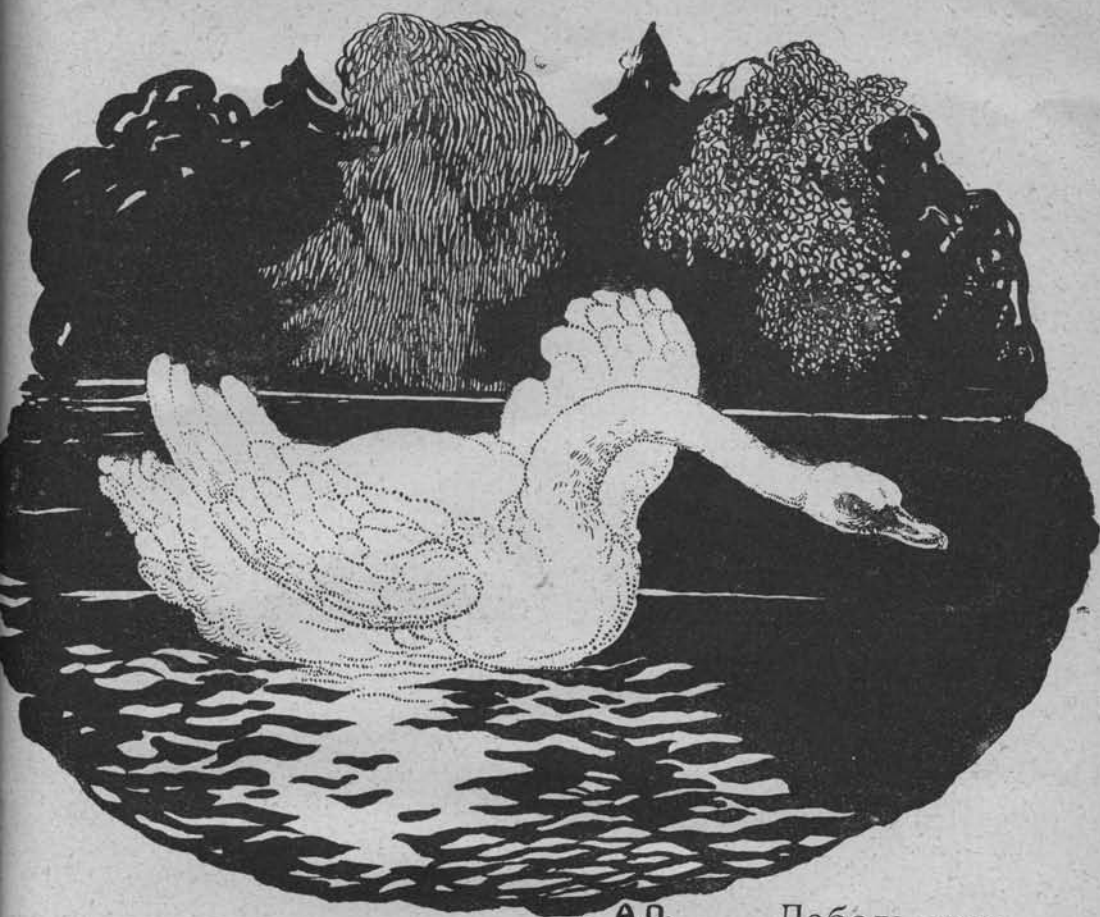
Лебедята.

При вечернемъ свѣтѣ она казалась розоватою. За домикомъ стоялъ отецъ-лебедь на одной ногѣ.

— Осторожнѣе подходите! хотя она и ручная, но она только что вывела дѣтокъ и стала пуглива. Слышите, она шипитъ: уже боится,—предупредилъ насъ сторожъ. Мы шли тихо, еле-еле подвигаясь.

— У нея только два лебеденочка? — спросила Оля сторожа.

— Это первый выводокъ,—только двое, а у старыхъ лебедей бываетъ до восьми.

А.п.

Лебедь-мать.

— А долго она сидѣла на яйцахъ?

Долго, больше 50 дней; вотъ и гнѣздо ея въ домикѣ, все пухомъ обложено; вмѣстѣ съ лебедемъ налаживали.

Теперь, видите, оба сторожатъ дѣтей.

— А какъ лебедятки похожи на гусятокъ, сказала Оля.

Ничего ты не понимаешь, — перебилъ ее Коля: — развѣ вылупившіеся гусята бываютъ такими крупными?

Да, они одной породы, одна семья, — объяснилъ папа.

Когда мы уходили, папа купилъ два яйца породистыхъ куръ.

— Подложимъ эти яйца подъ насѣдку, изъ нихъ вылупятся маленькія бѣлыя курочки, карликовыя, — говорилъ онъ.

А Оля сбѣгала къ павлину и вернулась, помахивая красивымъ перомъ. Оно было мокрое и смятое, но она расправила его рукой.

— Куда ты его дѣнешь? На что оно тебѣ? — приставали мы къ Олѣ.

— Я положу въ книгу, это будетъ закладка.

— Если бы я былъ хозяиномъ птичьяго двора, то развелъ бы сто павлиновъ и больше никого, — сказалъ Коля.

— А я развела бы павлиновъ и лебедей.

— А для ѣды никакой птицы и не разводили бы? — спросилъ насъ отецъ.

— Нѣтъ, папа, моихъ птицъ я не позволила бы рѣзать. Ни за что! Я бы ихъ всѣхъ любила.

Загадки:

Поднять можно, а черезъ избу перекинуть нельзя.

На одной ногѣ стоять, рожкомъ воду пьеть.

Не князь по породѣ, а ходить въ коронѣ.

Горе-маляры.

Митя увидѣлъ, какъ маляръ красить масляною краской, и ему захотѣлось покрасить что-нибудь. Долго стоялъ онъ около забора и не зналъ, какъ попросить маляра.

Но вотъ, ровно въ полдень собрался маляръ домой обѣдать, а ведра съ красками оставилъ, тутъ подошелъ къ нему Митя и тихо попросилъ:

— Позвольте мнѣ немного покрасить заборъ.

— Да вѣдь ты не умѣешь; запачкаешься только.

— Нѣтъ, я умѣю. Я немного покрашу, помогу вамъ.

— Ну вотъ тебѣ зеленая краска для забора. Смотри, не очень-то балуйся. Покрась немного и оставь.

Митя живо ухватился за кисть и сталъ мазать ею во всѣ стороны; выходило плохо.

Митя думалъ подправить дѣло и макнулъ кисть въ синюю краску. Опять сталъ водить ею, гдѣ попало. Вышло пестро, но Митѣ нравилось.

Прибѣжалъ къ нему Гриша, сынъ хозяйки.

— Давай и я буду красить, — сказалъ онъ и схватилъ кисть съ красною краской.

— А тебѣ позволили? — спросилъ Митя.

— Это нашъ домъ, я самъ здѣсь хозяинъ, — отвѣтилъ важно Гриша и сталъ мазать красною краской двери дома. Потомъ макнулъ этою же кистью въ бѣлую и закрасилъ ею одну ступеньку крылечка.

Въ это время воротился маляръ. Какъ увидѣлъ онъ ихъ работу, такъ и вскрикнулъ:

— Что вы надѣлали, разбойники! Развѣ можно красною кистью макать въ бѣлую краску!

А тебѣ я позволилъ только зеленою красить заборъ, а ты что тутъ расписалъ? Гдѣ же это видано, чтобы заборъ пестрымъ дѣлать? А дверь красная, какъ макъ, когда бываетъ? А ступеньки, по которымъ ходятъ люди въ грязь и въ пыль, развѣ дѣлаютъ бѣлыми?... Эхъ, вы — горемаляры!

Мальчики стояли и краснѣли отъ стыда, а маляръ продолжалъ:

— Вотъ и наработали! На полдня работы прибавилось. Да и краски почти всѣ перепачкали, перемѣшали. Вотъ ужъ правду говоритъ пословица: „Не за свое дѣло не берись, а со своимъ не лѣнись“.

Пословица.

Не учась и лаптя не сплетешь.

Въ саду.

— Вотъ садъ, въ которомъ вы узнаете много новаго, — сказала Елена Ивановна, вводя насъ въ большія ворота.

— Что это за садъ?

— Почему на всѣхъ деревьяхъ прибиты дощечки и на нихъ что-то написано?

— А гдѣ же новое, о которомъ вы говорили? — наперерывъ мы спрашивали Елену Ивановну.

Она сѣла на скамейку около бесѣдки и сказала: — Я ничего не буду объяснять, сами узнавайте.

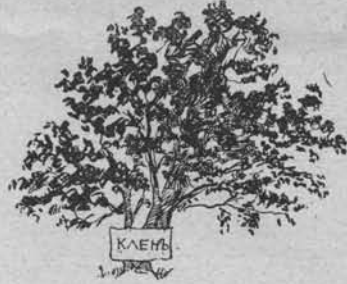
Мы пошли по саду.

Петя подбѣжалъ къ толстому дереву и закричалъ: — Посмотрите, вотъ громадное дерево и на немъ написано: „Дубъ“!

— Я и безъ надписи зналъ, что это дубъ, — засмѣялся Костя.

Мы стали бѣгать отъ дерева къ дереву и читать надписи: „ель“, „ива“, „осина“, „сосна“, „береза“, „клёнъ“.

— Но я всѣ эти деревья и раньше зналъ, — сказалъ Вася Еленѣ Ивановнѣ, мнѣ это не ново.

— И я зналъ, — закричалъ издали Коля.

— Ну, я васъ сейчасъ провѣрю, — сказала Елена Ивановна: закройте глаза, Вася и Коля, и идите со мной.

Она подвела ихъ къ клену.

— Теперь открывайте глаза и глядите только на кору и на стволъ; на верхушку не смотрите! Ну, какое это дерево?

— Дубъ! поторопился сказать Вася.

— Ива! вскрикнулъ Петя.

— Теперь глядите на верхушку и на листья, — улыбаясь говорила Елена Ивановна.

— Не угадали... сознались Вася и Петя.

— Я умѣю узнавать по листьямъ, оправдывался Петя.

— А стволъ этого клена тоже въ два обхвата, какъ и у дуба, говорилъ Вася, дважды обхватывая клень.

— А меня не собьете, — увѣрялъ Костя.

— Увидимъ.

Подвела Елена Ивановна Костю съ закрытыми глазами къ соснѣ.

Онъ открылъ глаза, пощупалъ кору рукой и увѣренно сказалъ:

— Сосна!

— Молодецъ! Ну, попробуй еще. И Елена Ивановна подвела его опять къ соснѣ, но къ другой, потоньше.

Костя посмотрѣлъ кору и закричалъ:

— Это осина!

Всѣ засмѣялись.

— Какъ же я спуталъ? — удивлялся Костя.

— Теперь меня поведите угадывать деревья!

— Меня!

— И меня!!

Чтобы не сбиться, мы оглядѣли хорошенько кору и стволъ каждаго дерева.

Легче всего было запомнить березу: бѣлоствольная.

— Скоро уже никто не ошибался, всѣ легко угадывали.

Когда возвращались домой, то проходили мимо дровяного двора; мы увидѣли тамъ груды бревенъ. Всѣ бросились во дворъ съ веселымъ крикомъ:

— Вотъ осиновое бревно!

— А вотъ березовое!

— А вотъ еловое!

Елена Ивановна едва насъ уняла:

— Хорошо, хорошо! Довольно, идемъ домой!

Загадка.

Всѣ паны скинули кафтаны, одинъ панъ не скинулъ кафтанъ.

Сова.

Сова.

Всю ночь сова охотилась по лѣсу. Подлетѣла она неслышно къ одному гнѣзду и стащила оттуда своимъ кривымъ клювомъ птенчика; увидѣла во тьмѣ маленькаго мышенка, — схватила и его.

Всполошила она страшнымъ крикомъ и птицъ и мелкое звѣрье.

А къ утру собралась она дневать въ своемъ дуплѣ, но не тутъ-то было!

Слетѣлись мелкія пташки, вьются кругомъ, чирикаютъ.

Совѣ не заснуть, — боится, что ее жилье открыли; она все вѣдь слышитъ, да не видитъ; у нея глаза по площадкѣ, а не видятъ ни крошки: дневной свѣтъ ее слѣпитъ.

Звѣзды блещутъ въ небесахъ,
Слышенъ шорохъ на стѣнахъ;
То во тьмѣ сырой ночи
Тихо шепчутся сычи:
„Тише, тише, не кричи,
Клювомъ громко не стучи!
Вонъ воробушекъ сидитъ, —
Намъ на ужинъ угодить!

Бунина.

Гдѣ суше лѣсъ, гдѣ много пестрыхъ листьевъ,
И желтыхъ мухъ, тамъ пестрый жгутъ — змѣя.
Чѣмъ жарче день, чѣмъ мухи золотистѣй —
Тѣмъ ядовитѣй я.

Гдѣ прячется (живетъ) змѣя?
Что ѣсть?
Когда она ядовита?

Старая ель.

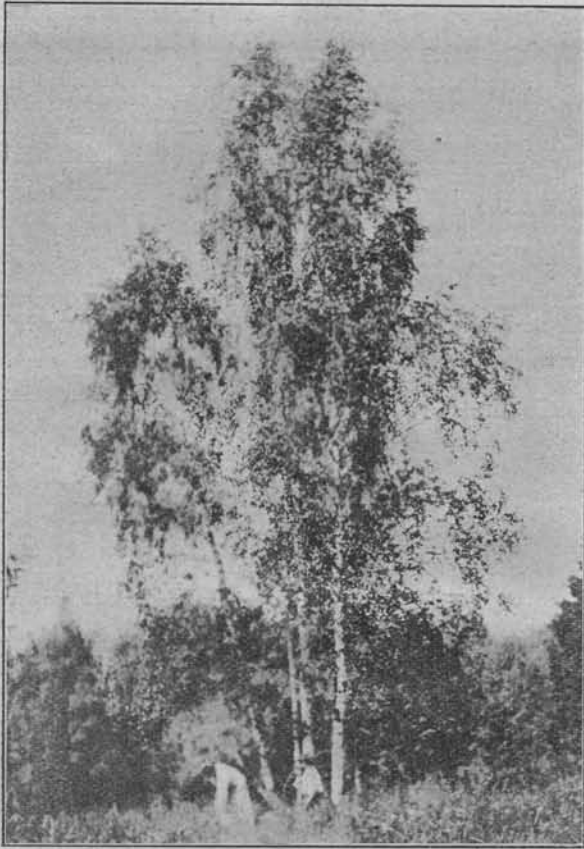
Заблудился.

Володя никакъ не можетъ вспомнить, какъ это онъ потерялъ дорогу: вошелъ онъ въ лѣсъ съ Марусей, Колей и Милкой по тропинкѣ мимо самой высокой ели. Говорятъ, этой ели больше ста лѣтъ.

Тутъ Маруся сплела вѣнокъ и примѣряла на Володѣ, а Коля

нашелъ глубокую яму и увѣрялъ, что это берлога медвѣдя.

Ни Маруся, ни Володя не повѣрили, что это берлога, и пошли дальше.

Березки.

сосны и потомъ ловко бѣгала кругомъ, вверхъ и внизъ по дереву. Долго онъ смотрѣлъ на нее, особенно забавляло Володю, какъ дятель упирался хвостомъ въ стволъ.

Отъ дятла переманила его къ себѣ кукушка: ку-ку! ку-ку! пѣла она чуть не

Вышли на поляну къ березкамъ, гдѣ всегда много земляники, а Милка осталась у ямы и лаяла.

Всѣ разбѣжались по полянѣ, собирали ягоды и ѣли.

Тутъ Володя услышалъ, какъ въ лѣсу сталъ тукать дятель, и онъ пошелъ искать его.

Шелъ долго и увидѣлъ, какъ птица съ красными перышками на хвостѣ стучала клювомъ въ стволъ

Дятель.

надъ головой. Онъ сталъ искать и ее, но никакъ не могъ найти. И на одномъ деревѣ поискалъ, заглянулъ и на другое, и на третье — нигдѣ не видно, а поетъ вотъ тутъ передъ самымъ носомъ.

Надоѣло Володѣ искать ее, и онъ рѣшилъ пойти опять за ягодами на поляну.

Пошелъ. Шелъ, шелъ, а поляны нѣтъ.

Крикнулъ Колю, Марусю, — никто не отзывается.

Оглянулся кругомъ, — лѣсъ густой.

Сталъ кричать громче, изо всѣхъ силъ: „Коля! Маруся! Милка!“ — нѣтъ отвѣта.

Володя задрожалъ, закричалъ еще: „Ау! ау!“

Прислушался, — вѣтка сухая упала и опять тишина.

Володя сѣлъ на пень
и задумался.

„Что дѣлать теперь?“ призадумался Володя: „Какъ же это говорили, что ту высокую елку видно за пять верстъ. Вотъ отсюда ее не видно, а то сейчасъ бы нашелъ дорогу домой“.

Усталъ Володя. Увидѣлъ пень, сѣлъ на него и опять задумался: „Найдутъ ли меня тутъ? Или всю ночь я просижу тутъ одинъ? Если кричать,

то услышитъ медвѣдь и придетъ меня съѣсть... и разбойники придутъ... и волки...”

Самыя страшныя мысли приходили ему въ голову.

Вдругъ, онъ услышалъ позади себя легкій трескъ и чье-то частое дыханіе.

Испуганный Володя оглянулся и вскрикнулъ отъ радости: „Милка!“

Она подбѣжала къ нему съ высунутымъ языкомъ, лизнула въ лицо и завиляла хвостомъ.

Володя обнялъ ее.

Черезъ полчаса онъ шелъ съ нею мимо высокой ели.

Пословицы:

Волка бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить.

Бояться волковъ — быть безъ грибовъ.

У страха глаза велики.

Въ дремучемъ зеленомъ лѣску
Кукушка кукуетъ „ку-ку“.

Моя пѣсня.

Г. Галиной.

Надо мной шатеръ смолистый
Вѣтокъ, хвои и листвы,
Подо мной коверъ душистый
Богородичной травы.

Пѣсня.

А. Е.

Въ лѣсу родилась елочка,
Въ лѣсу она росла;
Зимой и лѣтомъ стройная,
Зеленою была.

Трусишка заяка сѣренькій
Подъ елочкой скакалъ,
Порой самъ волкъ, сердитый волкъ,
Рысцою пробѣгалъ...

Глушь.

К. Бальмонта.

Лугъ — болото — поле — поле,
Надъ рѣчонкой ивы.
Сладко дышится на волѣ!
Всѣ цвѣты красивы!

Все здѣсь нѣжить глазъ и ухо
Ласкою веселой.

Прожужжала гдѣ-то муха,
Шмель гудитъ тяжелый.

Всюду Божія коровки,
Розовыя кашки,
Желто-бѣлыя головки
Полевой ромашки.

Шутка.

Хотите, я вамъ сказку скажу?

— Скажи, скажи! — загалдѣли ребятишки и обступили дружка.

— Ну, слушайте. Слушайте да поддакивайте. Что я ни скажу, — вы говорите: „и мы съ ними“, — согласны?

— Согласны, согласны!

— Ну, такъ слушайте: Жили были плотники...

— И мы съ ними, — хоромъ крикнули ребятишки.

— Взяли они по топору...

— И мы съ ними...

— Пошли они въ лѣсъ...

— И мы съ ними.

— Срубили они дерево...

— И мы съ ними.

— Притащили его домой...

— И мы съ ними.

— Выдолбили корыто...

— И мы съ ними.

— Налили въ корыто помой...

— И мы съ ними.

— Стали эти помои свиньи ѣсть...

— И мы съ ними, — гаркнули разошедшіеся ребятишки, не замѣчая, куда ихъ подвелъ выдумщикъ дружка.

— Что-о? — крикнулъ вдругъ дружка. — Это вы со свиньями ѣсть? Ахъ вы поросята... Я думалъ вы путные, а вы вотъ какіе...

Ребята только теперь поняли, что они попали впросакъ.

Загадки:

1) Заря-заряница, красная дѣвица, по лѣсу гуляла, ключи потеряла; мѣсяць видѣлъ — не сказалъ, солнце увидало — подняло.

Ключи — роса.

Объясните, почему заря — красная дѣвица!

Почему заря теряетъ росу?

Почему мѣсяць не поднялъ росы?

Какъ солнышко подымаетъ росу?

2) Былъ я копань,
 Былъ я топтань,
 Былъ на пожарѣ,
 Былъ на базарѣ,
 Молодъ былъ —
 Столько душъ кормилъ,
 Столько лѣтъ терпѣлъ,
 Ничего не ѣлъ,
 А гдѣ упалъ,
 Тамъ и пропалъ.

3) Безъ души родился,
 Народу пригодился.
 Дамъ пить — пьетъ,
 Попрошу — отдаетъ.

4) Одинъ горбатенькій,
 Двое пузатенькихъ,
 Подъ гору бѣгутъ,
 Горбатенькій за вихоръ держится.

5) Выросло дерево отъ земли до неба; на этомъ деревѣ двѣнадцать сучковъ, на каждомъ сучкѣ по четыре кошеля, въ каждомъ кошелѣ по семи яицъ, — седьмое красное.

6) Четыре брата идутъ навстрѣчу старшему.

— Здравствуй, Большакъ! говорятъ.

— Здорово, — отвѣчаетъ онъ, — Васька-указка, да Петя-середка... вишь вытянулся! да ты, Сиротка, да крошка-Тимошка.

Кто же эти братья?

Прибаутки для счета.

Первинчики,
Другинчики,
Голубинчики,
На насту,
На кусту
По лебедю
Крылатому.
Шишелъ,
Вышелъ,
Вонъ пошелъ.
Или же:

Первинчики,
Другинчики,
Летали голубинчики
По Божьей росѣ,
По поповой полосѣ.
Тута
Въ чашкѣ
Орѣшки,
Медокъ
И ледокъ.
Поди вонъ, сахарокъ.

Зайка.

Ө. Н. Берга.

Зайка у елочки попрыгиваетъ,
Лапочкой объ лапку поколачиваетъ.
„Экіе морозцы, прости Господи, стоятъ!
Елочки отъ холода подъ инеемъ трещатъ —
Елочки отъ холода потрескиваютъ;
Лапочки отъ холода совсѣмъ свело.
Вотъ кабы мнѣ, зайкѣ, мужичонкомъ быть,
Вотъ кабы мнѣ, зайкѣ, да въ лаптяхъ ходить —
Жить бы мнѣ да грѣться бы въ избушечкѣ
Со своей хозяюшкою сѣренькой!
Вотъ кабы мнѣ, зайкѣ, мужичонкомъ быть,
Вотъ кабы мнѣ, зайкѣ, да въ лаптяхъ ходить —
Пирогы бы ѣсть, да все съ капустою,
Пирогы бы съ сладкою морковкою,
На полатяхъ зимушку полеживать,
По морозцу въ саночкахъ покатывать“.

Воробышки.

Сергѣя Есенина.

Воробышки игривые,
Какъ дѣтки сиротливыя,
Прижались у окна.
Озябли пташки малыя
Голодныя, усталыя,
И жмутся поплотнѣй.
И дремлютъ пташки нѣжныя
Подъ эти вихри снѣжныя
У мерзлаго окна.
И снится имъ прекрасная,
Въ улыбкахъ солнца ясная,
Красавица весна.

Колыбельная пѣсня.

О. Арнольда.

Спите вы, милыя сосны,
Баюшки, баюшки, бай,
Скоро весна золотая
Вновь возвратится въ нашъ край.

Гдѣ жила Яга?

За горами, за полями, за стоячими лѣсами,
За трясучими водами, за кипучими ключами.

У чудищъ.

К. Бальмонта.

Я былъ въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ,
Тамъ все, какъ прежде, сидитъ Яга...

Пищали мыши и рылись въ крошкахъ.

Старуха злая была строга.

Но я былъ въ шапкѣ, былъ въ невидимкѣ,

Стянулъ у старой двѣ нитки бусъ,

Разгнѣвалъ вѣдьму и скрылся въ дымкѣ.

И вотъ со смѣхомъ кручу свой усъ.

Пойду, пожалуй, теперь къ Кощею,

Найду для пѣсенъ тамъ жемчуговъ,

До самой пасти приближусь къ Змѣю,

Узнаю тайны — и былъ таковъ.

Никитина.

Помню я, бывало няня,

Долго сидя за чулкомъ,

Молвить: „Баловень ты, Ваня,

Все дурачишься съ котомъ.

Встань, подай мою шубейку,
Что-то холодно... дрожу...
Да присядь вотъ на скамейку,
Сказку длинную скажу.

Школьникъ.

Изъ дневника школьника.

Вотъ уже недѣля, какъ попугай гостить у насъ въ школѣ.

Его принесъ къ намъ въ клѣткѣ братъ нашей учительницы Елены Ивановны, поставилъ на окно и сказалъ: „Берегите моего попочку. Я уѣзжаю на нѣсколько дней. Ну, прощай, попка! Смотри, будь умнымъ“. И ушелъ.

— Надо его оставить въ покоѣ, — сказала намъ Елена Ивановна и не позволила подходить къ клѣткѣ.

Черезъ полчаса онъ видно попривыкъ и вдругъ заговорилъ: „Попочка, ура! Попочка, уррра!“

Весь классъ такъ и замеръ отъ удивленія, а потомъ всѣ громко разсмѣялись.

Елена Ивановна насъ остановила: — Не пугайте попугая.

Отъ этихъ словъ намъ стало еще смѣшнѣе.

— Навѣрно слово „попугай“ отъ слова „пугай?“ спросилъ Гриша.

— Не знаю, отвѣтила Елена Ивановна.

Въ это время попугай зацѣпилъ за кольцо и сталъ кувиркаться. Онъ держался и лапками и клювомъ, какъ рукой.

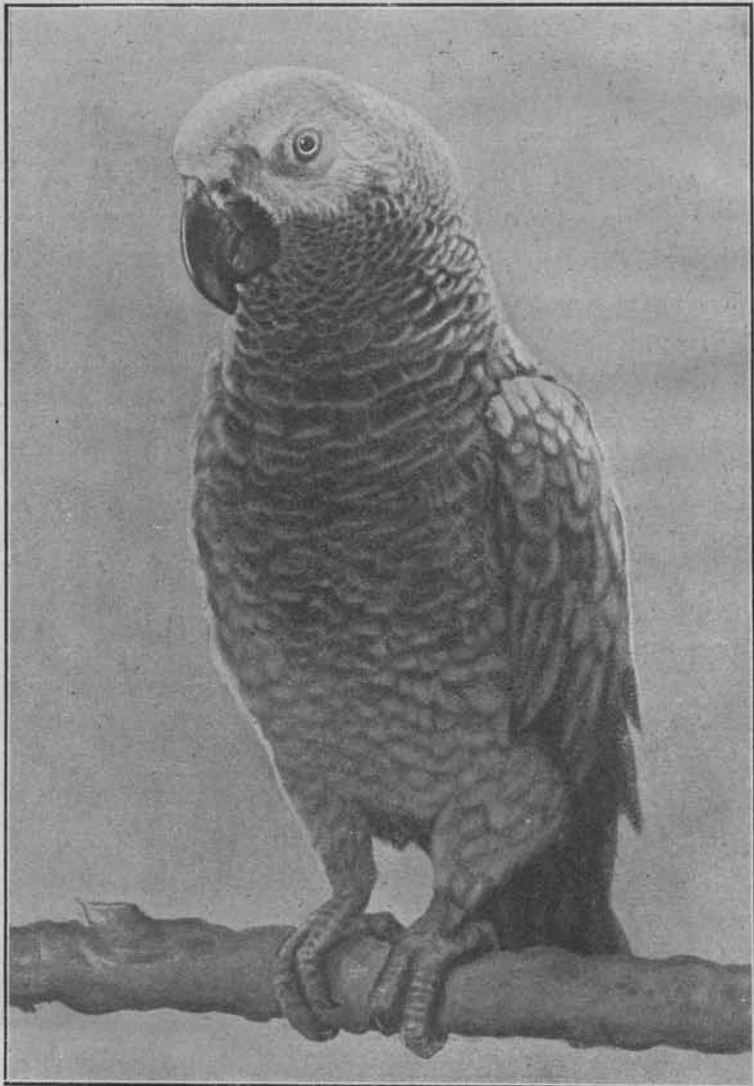
— Ребята, — вскрикнулъ Алеша, — да онъ уродъ! глядите, какъ онъ лапками держится за жердочку, совсѣмъ не такъ, какъ другія птицы.

— Нѣтъ, онъ не уродъ. У попугая, какъ и у дятла пальцы парные: два впереди, и два

позади. Имъ такъ удобнѣе и лазать по деревьямъ и на вѣткахъ сидѣть.

— Попка! попка! — сталъ дразнить птицу Викторъ и просунулъ палецъ въ клѣтку.

Елена Ивановна не успѣла предупредить, какъ Викторъ закричалъ во всю мочь: „Ой! ой! попка клюнулъ меня въ палецъ!“ Онъ моталъ рукой, а съ пальца струилась кровь.

Попугай.

— Самъ виноватъ... спокойно сказала Елена Ивановна, — ты нападалъ, а попугай защищался, — и стала мыть и перевязывать палецъ.

Мы притихли и смотрѣли на птицу.

А у него въ горлѣ что-то клокотало: гуррр-гуррр-гуррр-гуррр...

Онъ сердится, — объяснила намъ Елена Ивановна и унесла клѣтку въ другую комнату.

Черезъ часъ опять вернули попугая въ классъ, учительница подошла къ нему и начала ласково разговаривать: „Попочка, милый! Попочка! Дай головку почешу! Дай! Дай“.

Попугай продолжалъ свое — гуррр... гуррр... и встряхивалъ крыльями.

— Принесите сѣмечекъ.

Мы повскакивали съ мѣстъ и бросились сыпать изъ мѣшка подсолнухи въ чашечку.

Елена Ивановна осторожно вдвинула чашечку въ клѣтку, все время ласково приговаривая: „Кушай, милый попочка, кушай“.

Вдругъ, попугай неожиданно закричалъ: „Кушать! Кушать!“

Мы не вытерпѣли и всѣ прыснули отъ смѣха.

Елена Ивановна дала знакъ пальцемъ — молчать, а сама все ласкала его: „Дай, попочка, головку. Дай головку почешу“.

И попочка нагнулъ голову къ рѣшеткѣ клѣтки.

Елена Ивановна почесала ему маковку.

Мы едва держались, многіе зажимали рты, чтобы не взвизгнуть отъ радости: попочка помирился съ нами.

— Можно и мнѣ почесать его, — приставала шопотомъ Оля.

— Подождите. Потомъ всѣ по очереди будете чесать, только не сегодня. Видите, едва успокоили.

Обласканный попочка сталъ грызть сѣмечки, очень ловко разгрызалъ ихъ своимъ острымъ крючковатымъ клювомъ и середку захватывалъ круглымъ языкомъ.

На другой день дали попкѣ сахару, и онъ взялъ кусокъ въ одну лапку, какъ рукой, и обгрызалъ его своимъ клювомъ со всѣхъ сторонъ.

Никто уже не собирался дразнить его, и всѣ разговаривали съ нимъ ласковымъ голосомъ.

Во время уроковъ мы не сводили съ него глазъ. Елена Ивановна даже хотѣла выставить его въ переднюю, но намъ не хотѣлось разставаться съ нимъ, и мы пообѣщали не глядѣть на него во время уроковъ.

Но онъ самъ напомнилъ о себѣ на одномъ урокѣ. Пришелъ учитель пѣнія, мы спѣли пѣсенку: „Нива, моя нива, нива золотая“. И только окончили, какъ попочка запѣлъ: „Нива, моя нива...“

Учитель испугался, а мы чуть не прыгали отъ восторга.

Но попочка только и запомнилъ эти три слова, — споетъ ихъ и опять, опять повторяетъ, и выводилъ голосомъ весь мотивъ.

— Ну и попка! — удивлялся учитель, — ты, пожалуй, лучше иного ученика.

Такъ и вышло... начали пѣть другую пѣсенку, и онъ сталъ съ середины подтягивать. Было такъ смѣшно, что мы всѣ сбились и остановились, а попка продолжалъ распѣвать.

Быль еще занятный день: къ окну школы подошли куры и пѣтухъ пропѣлъ: ку-ку-ре-ку! Только онъ кончилъ, какъ попочка повторилъ: ку-ку-ре-ку!

— Ну и обезьяна же ты, — ласково обратилась къ нему Елена Ивановна, — все перенимаешь. Ну, дай головку почешу тебѣ за это, дай!

Попочка сразу далъ. Намъ всѣмъ захотѣлось почесать его.

— Ну, хорошо, позволю почесать пятерымъ, кому выпадетъ жребій.

Мнѣ не выпалъ, и я чуть не плакалъ.

Подходили другіе, чесали, садились и хвастали: „мякенькая головка... такъ пріятно чесать попочку“.

Неожиданно кто-то вскрикнулъ: „Попка клюнулъ Виктора“, — жребій чесать головку выпалъ и ему.

— Онъ тебя узналъ, — объясняла Елена Ивановна; — попугаи не забываютъ обиды: видите, какая память у него.

Черезъ десять дней пришелъ братъ нашей учительницы Елены Ивановны за попугаемъ. Мы чуть не плакали, ужъ очень мы привыкли къ нему.

Какъ только попка увидѣлъ своего хозяина, такъ и затрепеталъ, сталъ метаться по жердочкѣ, просовывая головку изъ клѣтки.

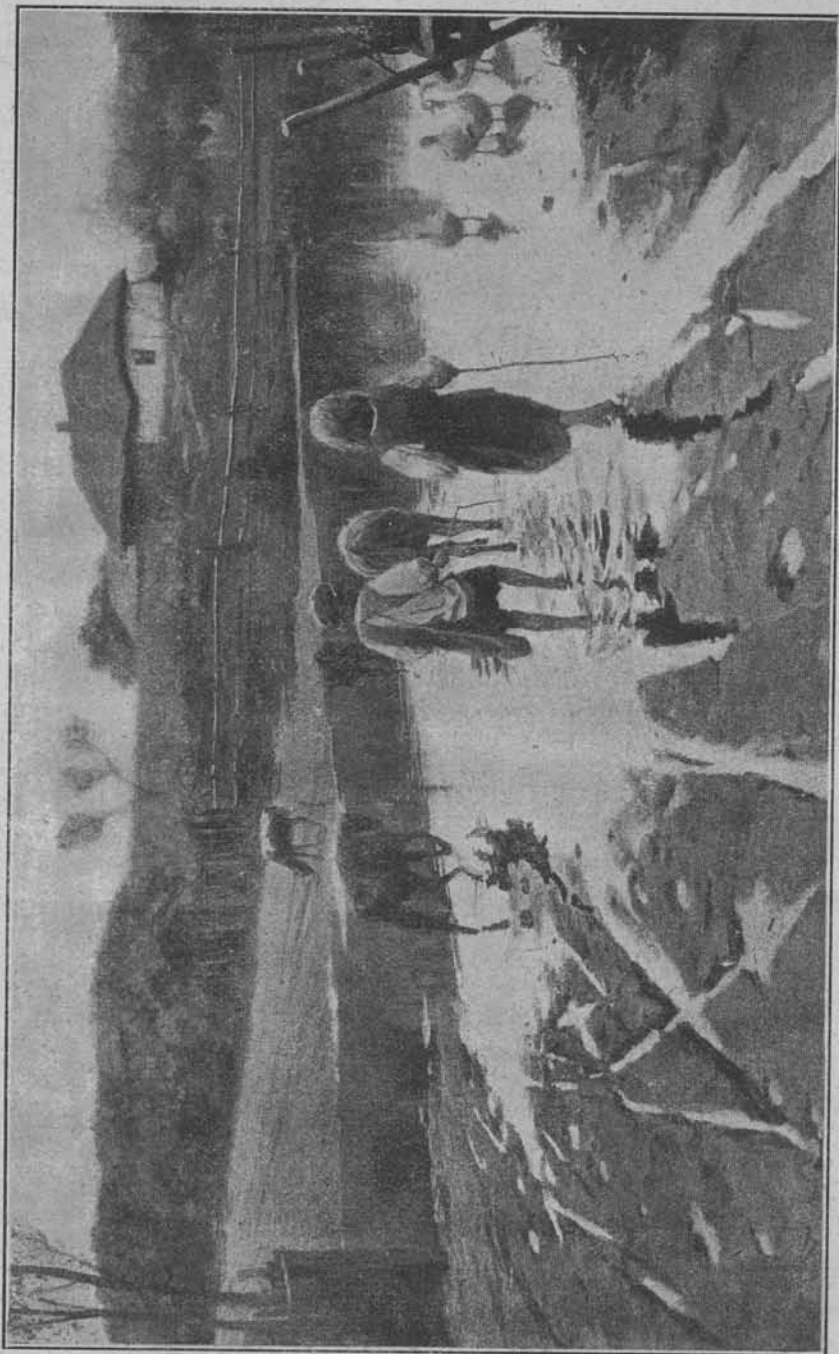
— Ну, здравствуй, здравствуй, попочка дорогой. Иди ко мнѣ. Хозяинъ открылъ дверцу. Попугай вылѣзъ, сѣлъ на большой палецъ, потомъ полѣзъ по рукѣ, добрался до плеча и около уха ласково гукалъ — гу-у-у — гу-у-у...

А можетъ быть жаловался ему на кого-нибудь.

— Ну, ну, хорошо, мой милый... теперь мы съ тобою не разстанемся. Вѣдь мы понимаемъ другъ друга, — ласково говорилъ онъ попчкѣ и гладилъ ему головку.

Безъ попугая стало намъ такъ скучно, какъ будто все опустѣло кругомъ.

Въ утѣшеніе Елена Ивановна принесла намъ канарейку, но мы рѣшили, что она не можетъ замѣнить намъ умнаго попчкы.

Посль дождя.

Смерть пѣтушка.

Ходятъ пѣтушокъ да курочка на купцовомъ гумнѣ. Увидалъ пѣтушокъ бобовое зернышко, захотѣлъ его скушать, хватъ — и подавился! Лежитъ бѣднякъ — и не дышитъ. Сжалилась надъ нимъ курочка, пошла къ рѣчкѣ воды попросить. Рѣчка говоритъ: „поди къ липкѣ, попроси листу, тогда и воды дамъ!“ — Липка, липка! дай листу, листъ нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды, воду нести къ пѣтушку; подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ: ни дышитъ, ни слышитъ, ровно мертвый лежитъ! Липка сказала: „поди къ дѣвкѣ, попроси нитку; тогда дамъ листу!“ — Дѣвка, дѣвка! дай нитку, нитку нести къ липкѣ, липка дастъ листу, листъ нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды, воду нести къ пѣтушку; подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ: ни дышитъ, ни слышитъ, ровно мертвый лежитъ! Дѣвка говоритъ: „поди къ коровѣ, попроси молока; тогда дамъ нитку“. Пришла курочка къ коровѣ: „корова, корова! дай молока, молоко нести къ дѣвкѣ, дѣвка дастъ нитку, нитку нести къ липкѣ, липка дастъ листу, листъ нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды, воду нести къ пѣтушку; подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ: ни дышитъ, ни слышитъ, ровно мертвый лежитъ!“ Корова говоритъ: „поди на покось, попроси у косцовъ сѣна; въ тѣ поры молока дамъ“. Пришла курочка на покось: „косцы, косцы! дайте сѣна, сѣно нести къ коровѣ, корова дастъ молока, молоко нести къ дѣвкѣ, дѣвка дастъ нитку, нитку нести къ липкѣ, липка дастъ листу, листъ нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды, воду нести къ пѣтушку; подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ: ни дышитъ, ни слышитъ, ровно мертвый лежитъ!“ Косцы говорятъ: „поди къ кузнецамъ, проси сковать косу“. Пришла курочка къ кузнецамъ: „кузнецы, кузнецы! скуйте мнѣ косу, косу нести на покось, косцы дадутъ сѣна, сѣно нести къ коровѣ, корова дастъ молока, молоко нести къ дѣвкѣ, дѣвка дастъ нитку, нитку нести къ липкѣ, липка дастъ листу, листъ нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды, воду нести къ пѣтушку; подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ: ни дышитъ, ни слышитъ, ровно мертвый лежитъ!“ Кузнецы говорятъ: „поди къ лѣс-

никамъ, проси у нихъ уголья; тогда скуёмъ тебѣ косу“. Пришла курочка къ лѣсникамъ: „лѣсники, лѣсники! дайте уголья, уголье нести къ кузнецамъ, кузнецы скуютъ косу, косу нести на покось, косцы дадутъ сѣна, сѣно нести къ коровѣ, корова дастъ молока, молоко нести къ дѣвкѣ, дѣвка дастъ нитку, нитку нести къ липкѣ, липка дастъ листу, листь нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды, воду нести къ пѣтушку; подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ: ни дышитъ, ни слышитъ, ровно мертвый лежитъ!“

Лѣсники дали уголья; взяла курочка уголье, снесла къ кузнецамъ, кузнецы сковали ей косу; взяла косу, снесла на покось, косцы накосили ей сѣна; снесла сѣно къ коровѣ, корова дала молока; снесла молоко къ дѣвкѣ, дѣвка дала нитку; снесла нитку къ липкѣ; липка дала листу; снесла листь къ рѣчкѣ, рѣчка дала воды. Принесла воду къ пѣтушку, а онъ лежитъ, ни дышитъ, ни слышитъ, подавился на купцовомъ гумнѣ бобовымъ зернышкомъ!

Верлюка.

Когда-то жили да были дѣдъ и баба, а у нихъ были двѣ внучки-сиротки — такія хорошенькія да смиренныя, что дѣдъ съ бабушкой не могли ими нарадоваться. Вотъ разъ вздумалъ дѣдъ посѣять горохъ; посѣялъ — горохъ выросъ, зацвѣлъ. Дѣдъ глядитъ на него и думаетъ: „теперь буду цѣлую зиму ѣсть пироги съ горохомъ“. Какъ на зло дѣду воробьи и напали на горохъ. Дѣдъ видитъ, что худо, и послалъ младшую внучку прогнать воробьевъ. Внучка сѣла возлѣ гороха, машетъ хворостиной да приговариваетъ: „кишь, кишь, воробьи! не ѣшьте дѣдова гороху!“ Только слышитъ: въ лѣсу шумить, трещить — идетъ Верлюка, ростомъ высокій-высокій, объ одномъ глазѣ, носъ крючкомъ, борода клочкомъ, усы въ полъ-аршина, на головѣ щетина, костылемъ подпирается, самъ страшно ухмыляется; а была у него такая замашка: какъ завидитъ человѣка — ни за что не утерпитъ, чтобы дружбы не показать, бока не поломать; не было спуска отъ него ни старому, ни малому, ни тихому, ни удалому. Увидѣлъ Верлюка дѣдову внучку и сразу убилъ ее костылемъ. Дѣдъ ждалъ-ждалъ — нѣтъ внучки, послалъ за нею старшую. Верлюка и ту прибралъ. Дѣдъ опять ждалъ-ждалъ, потерялъ терпѣніе и говоритъ женѣ:

„да что онѣ опозднились? чай съ подругами какъ трешотки трещать, а воробьи горохъ лущать. Ступай, старуха! тащи ихъ домой“. Старуха съ печки сползла, въ углу палочку взяла, за порогъ перевалилась, да домой не воротилась. Вѣстимо, какъ увидѣла внучекъ да потомъ Верлюку, догадалась, что его работа; съ жалости и горя такъ и вцѣпилась ему въ волосы. А Верлюкъ то и на руку.... Дѣдъ ждалъ-ждалъ и не дождался: нѣтъ ни старухи, ни внучекъ! Всталъ онъ изъ-за стола, помолился Богу и поплелся въ дорогу. Приходитъ къ гороху, глядитъ: лежатъ его милыя внучки — точно спятъ; только у одной кровь на лбу видна, у другой на бѣлой шейкѣ пять синихъ пальцевъ оттиснулись. А старуха такъ изувѣчена, что и узнать нельзя! Долго плакался надъ ними дѣдъ, долго причитывалъ, а потомъ сбѣгалъ въ избу, взялъ желѣзный костыль и отправился бить Верлюку.

Идетъ-идетъ и видитъ прудъ, а на прудѣ куцый селезень. Увидаль дѣда селезень и кричитъ: „такъ, такъ, такъ! вѣдь я угадалъ, что тебя сюда поджидалъ. Здоровъ дѣдъ на сто лѣтъ!“ — Здорово, селезень! отчего ты меня поджидалъ? „Да зналъ, что ты за старуху да за внучекъ не спустишь и самому Верлюкъ“. — А ты знаешь Верлюку? „Какъ, какъ, какъ не знать! знаю его кривого! Разъ какъ-то вотъ здѣсь на берегу началъ онъ бить какого-то горемыку; а тогда была у меня за каждымъ словомъ поговорка: ахъ, ахъ, ахъ! Верлюка потѣшается, а я сижу въ водѣ, да такъ себѣ и кричу: ахъ, ахъ, ахъ!... Вотъ онъ, управившись съ горемыкою, подбѣжалъ ко мнѣ: я, говоритъ, научу тебя, какъ за другихъ заступаться! — и хватъ меня за хвостъ! да не на таковского напаль, только хвостъ у него въ рукахъ остался. Оно хотъ хвостъ и не великъ, а все-таки жаль его... Вотъ я и взялся за умъ, и съ той поры, — кто бы что ни дѣлалъ — не кричу: ахъ, ахъ, ахъ! а все придакиваю: такъ, такъ, такъ! Что же? и житье стало лучше, и почѣту отъ людей больше. Всѣ говорятъ: вотъ селезень хотъ куцый, да умный!“ — Такъ не можешь ли указать мнѣ, гдѣ живетъ Верлюка? „Такъ, такъ, такъ!“ Селезень вылѣзъ изъ воды, и, переваливаясь съ боку на бокъ, пошелъ по берегу, а дѣдъ за нимъ.

Идутъ-идутъ, а на дорогѣ лежитъ бичѣвочка и говоритъ: „здравствуй, дѣдушка-умная головушка!“ — Здравствуй, бичѣвочка! „Какъ живешь? куда идешь?“ — Живу и такъ и сякъ, а иду къ Верлюкъ на расправу: старуху задушилъ, двухъ внучекъ убилъ, а

внучки были такія славныя! „Я твоихъ внучекъ и старуху знала; возьми и меня на подмогу! „Дѣдъ подумаль: „можетъ, пригодится связать Верлюку!“ и отвѣчалъ: „полѣзай, когда знаешь дорогу“. Верёвочка и поползла за ними, словно змѣя.

Идутъ-идутъ, а на дорогѣ лежитъ колотушка и говоритъ: „здравствуй, дѣдушка-умная головушка!“ — Здравствуй, колотушка! „Какъ живешь? куда идешь?“ — Живу и такъ и сякъ, а иду къ Верлюкѣ на расправу. Подумай: старуху задушилъ, двухъ внучекъ убилъ, а внучки были на славу! „Возьми меня на подмогу!“ — Ступай, когда знаешь дорогу! А самъ думаетъ: „колотушка и впрямь поможетъ“. Колотушка поднялась, уперлась ручкой о землю и прыгнула.

Идутъ-идутъ, а на дорогѣ лежитъ желудъ и пищить: „здравствуй, дѣдушка-умная головушка!“ — Здравствуй, желудъ! „Куда это шагаешь?“ — Иду Верлюку бить, когда его знаешь? „Какъ не знать! пора съ нимъ расплатиться; возьми и меня на подмогу“. — Да чѣмъ ты поможешь! „Не плюй, дѣдъ, въ колодезь — достанется водицы напиться!“ Дѣдъ подумаль: „а пускай его! чѣмъ больше народу, тѣмъ лучше“, и говоритъ: „плетись позади!“ Какое — плетись! желудъ такъ и скачетъ впереди всѣхъ.

Вотъ и пришли они въ густой, дремучій лѣсъ, а въ томъ лѣсу стоитъ избушка. Глядятъ — въ избушкѣ никого нѣтъ. Огонь въ печи погасъ, а на шесткѣ стоитъ пшенная каша. Желудъ вскочилъ въ кашу, верёвочка растянулась на порогѣ, колотушка улеглась на полкѣ, селезня посадилъ дѣдъ за печку, а самъ сталъ за дверь. Пришелъ Верлюка, кинулъ вязанку дровъ на землю и сталъ разводить огонь въ печкѣ. Желудъ, сидя въ горшкѣ, затянулъ пѣсню: „пи... пи... пи! пришли Верлюку бить!“ — Цыцъ, каша! въ ведро вылью, крикнулъ Верлюка. А желудъ не слушаетъ его, знай свое пищить. Верлюка разсердился, схватилъ горшокъ, да бухъ кашу въ ведро; желудъ какъ выскочитъ изъ ведра, шолкъ Верлюку въ голову и выбилъ ему послѣдній глазъ. Верлюка кинулся было на утѣкъ, да не тутъ-то было — верёвочка перецѣпила его, и Верлюка упалъ. Колотушка прыгнула съ полки, дѣдъ выскочилъ изъ-за дверей, и давай его потчевать; а селезня за печкой сидитъ да приговариваетъ: „такъ, такъ, такъ!“ Не помогли Верлюкѣ ни его сила, ни отвага. Вотъ вамъ сказка, а мнѣ бубликовъ связка.

Зимовье звѣрей.

Шель быкъ лѣсомъ; попадается ему навстрѣчу баранъ. „Куда, баранъ, идешь?“ спросилъ быкъ. — Отъ зимы лѣта ищу, говорить баранъ. „Пойдемъ со мною!“ Вотъ пошли вмѣстѣ; попадается имъ навстрѣчу свинья. „Куда свинья, идешь?“ спросилъ быкъ. — Отъ зимы лѣта ищу, отвѣчала свинья. „Иди съ нами!“ Пошли втроемъ дальше; навстрѣчу имъ попадается гусь. „Куда, гусь, идешь?“ спросилъ быкъ. — Отъ зимы лѣта ищу, отвѣчаетъ гусь. „Ну, иди за нами!“ Вотъ гусь и пошелъ за ними. Идутъ, а навстрѣчу имъ пѣтухъ. „Куда, пѣтухъ, идешь?“ спросилъ быкъ. — Отъ зимы лѣта ищу, отвѣчаетъ пѣтухъ. „Иди за нами!“ Вотъ идутъ они путемъ-дорогою и разговариваютъ промежь себя: „какъ же, братцы-товарищи! время приходитъ холодное; гдѣ тепла искать?“ Быкъ и сказываетъ: „ну, давайте избу строить; а то—чего добраго— и впрямь зимою замѣрзнемъ“. Баранъ говоритъ: „у меня шуба тепла — вишь какая шерсть! я и такъ прозимую“. Свинья говоритъ: „а по мнѣ хоть какіе морозы — я не боюсь: зароюся въ землю и безъ избы прозимую“. Гусь говоритъ: „а я сяду въ середину ели, одно крыло постелю, а другимъ одѣнуся — меня никакой холодъ не возьметъ; я и такъ прозимую“. Пѣтухъ говоритъ: „а развѣ у меня нѣтъ своихъ крыльевъ? и я прозимую!“ Быкъ видитъ — дѣло плохо, надо одному хлопотать. „Ну говоритъ, вы какъ хотите, а я стану избу строить“. Выстроилъ себѣ избушку и живетъ въ ней. Вотъ пришла зима холодная, стали пробирать морозы; баранъ просится у быка; „пусти, братъ, погрѣться“. — Нѣтъ, баранъ, у тебя шуба тепла; ты и такъ перезимуешь. Не пушу!... „А коли не пустишь, то я разбѣгуся и вышибу изъ твоей избы бревно; тебѣ же будетъ холоднѣе“. Быкъ думаль-думаль: „дай пушу, а то, пожалуй, и меня заморозитъ“ — и пустилъ барана. Вотъ и свинья прозябла, пришла къ быку: „пусти, братъ, погрѣться“. — Нѣтъ, не пушу! ты въ землю зароешься, и такъ прозимуешь! „А не пустишь, такъ я рыломъ всѣ столбы подрою да твою избу сворочу“. Дѣлать нечего, надо пустить; пустилъ и свинью. Тутъ пришли къ быку гусь и пѣтухъ: „пусти, братъ къ себѣ погрѣться“. — Нѣтъ, не пушу! у васъ по два крыла: одно постелишь, другимъ одѣнешься; и такъ прозимуете! „А не пустишь, говоритъ гусь, такъ я весь мохъ изъ твоихъ стѣнъ повыщиплю; тебѣ же холоднѣе будетъ“. — „Не пустишь? говоритъ пѣтухъ,

такъ я взлечу на чердакъ и всю землю съ потолка сгребу; тебѣ же холоднѣе будетъ“. Что дѣлать быку? пустилъ жить къ себѣ и гуся, и пѣтуха.

Вотъ живутъ они себѣ въ избушкѣ. Отогрѣлся въ теплѣ пѣтухъ и началъ пѣсенки распѣвать. Услышала лиса, что пѣтухъ пѣсенки распѣваетъ; захотѣлось ей пѣтушинымъ мясомъ полакомиться, да какъ достать его? Лиса поднялась на хитрости, отправилась къ медвѣдю да волку и сказала: „ну, любезные куманьки! я нашла для всѣхъ поживу: для тебя, медвѣдь, быка; для тебя, волкъ, барана; а для себя пѣтуха“. — Хорошо, кумушка! говорятъ медвѣдь и волкъ, мы твоихъ услугъ никогда не забудемъ; пойдемъ же, приколимъ да поѣдимъ! Лиса привела ихъ къ избушкѣ. Медвѣдь говоритъ волку; „иди ты впередъ!“ А волкъ говоритъ: „нѣтъ, ты посильнѣе меня; иди ты впередъ!“ Ладно! пошелъ медвѣдь; только что въ двери — быкъ наклонилъ голову и припѣръ его рогами къ стѣнѣ, а баранъ разбѣжался да какъ бацнетъ медвѣдя въ бокъ и сшибъ его съ ногъ, а свинья рветъ и мечетъ въ клочья, а гусь подлетѣлъ — глаза щиплетъ, а пѣтухъ, сидитъ на брусѣ и кричитъ: „подайте сюда, подайте сюда!“ Волкъ съ лисой услышали крикъ, да бѣжать! Вотъ медвѣдь рвался, рвался, насилу вырвался, догналъ волка и рассказываетъ: „ну, что было мнѣ! этакого страху сродясь не видывалъ. Только что вошелъ я въ избу, откуда не возьмись баба да ухватомъ меня... такъ къ стѣнѣ и прижала! набѣжало народу пропасть: кто бѣтъ, кто рвѣтъ, кто шиломъ въ глаза колетъ; а еще одинъ на брусѣ сидѣлъ да все кричалъ: подайте сюда, подайте сюда! ну, еслибъ подали къ нему, кажись бы — и смерть была!“

	стр.
ОТГАДКИ: Баранъ и козель	11
1) Лукъ, 2) макъ, 3) капуста	23
1) Грибъ, 2) грибъ	35
Орѣхи	37
1) Перо, 2) птица, 3) пѣтухъ	48
Хвойное дерево	53
1) Роса, 2) глиняный горшокъ, 3) кувшинъ, 4) коромысло и ведро	62
5) Годъ, мѣсяцы, недѣли, дни, 6) пальцы	63

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.		Стр.
Одуванчикъ	3	Змѣй	32
Ты трава ль моя, травинушка. Народ- ная пѣсня	4	Журавли. Маріи Конопницкой	33
Мать-сыра земля добра. Народная пѣсня	—	Осень. К. Бальмонта	—
Тучка въ небѣ таетъ. Орѣшнева	—	Грибы	34
Лягушки	5	Загадки	35
Гуси, домой!	—	Орѣхи. П. Соловьевой	36
Сорока бѣлобока. Народ. пѣсня	6	Зимой. К. Бальмонта	38
Бѣлянка	7	Въ ожиданіи зимы	—
Донь! донь! донь! Народ. пѣсня	8	Снѣжинки	—
Красная шапочка	—	Елка	39
Горе пастуха	9	И пойдешь ты съ мамой. А. Блока	—
Отпросился козелокъ. Народ. пѣсня	11	Уголекъ	40
Пари	—	Про кошку. Новиковой	42
Табунъ лошадей	12	Коть Васька	—
Старая лошадь	13	Птичій дворъ	43
Художники	14	Загадки	48
Работнички	16	Горе-маляры	49
Куда, Ома, ѣдешь	17	Въ саду	51
Пастухъ и подпасокъ	18	Сова	55
Куклы бабушки	19	Звѣзды блещутъ въ небесахъ	—
Баю, кукла, баю, бай	20	Гдѣ суше лѣсъ. Бунина	56
Дремлютъ птички и цвѣты. Бальмонта	21	Заблудился	—
Христось воскресе!	—	Пословицы	59
Нашъ пасхальный столъ	22	Моя пѣсня. Г. Галиной	60
Нашъ огородъ	—	Пѣсня. А. Е.	—
Загадки	23	Глушь. К. Бальмонта	—
Приговорка	—	Шутки	61
Коза	24	Загадки	62
Хрюшка	25	Прибаутки	63
Яблонька, моя яблонька. Народ. пѣсня	26	Зайка. Ѳ. Н. Берга	64
Въ саду яблонька стоитъ. Народная пѣсня	—	Воробышки. С. Есенина	—
черезка. П. Соловьевой	—	Колыбельная пѣсня. О. Арнольда	65
Троица	27	Гдѣ жила Яга	—
У моря	28	У чудишь. К. Бальмонта	—
Рыболовы	30	Помню я, бывало, няня. Никитина	—
6-го августа	—	Изъ дневника школьника	67
		Смерть пѣтушка. Сказка	74
		Верлюка	75
		Зимовье звѣрей	78